

Александр Смирнов

Раб

и

Царь

Александр Сергеевич Смирнов

Раб и Царь

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5314109*

Раб и Царь: Авторское; 2013

Аннотация

Кто ты в этой жизни, раб или царь? Фортуна улыбается тебе? Ты богат? Жизнь удалась? Увы, это ещё не означает, что ты царь. Судьба опустила тебя на самое дно? У тебя нет денег? Люди отворачиваются от тебя? Но это ещё не повод называть тебя рабом.

Содержание

Часть 1 – Раб	4
Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	59
Глава 3	88
Глава 4	126
Глава 5	139
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Александр Смирнов

Раб и Царь

Часть 1 – Раб

Пролог

В родительскую субботу самым посещаемым местом, несомненно, являются кладбища. Как маленькие ручейки, идущие со всех сторон, люди соединяются в огромную реку и втекают на последние пристанища своих родных и знакомых, чтобы вспомнить о них, помянуть или пообщаться с ними. Ведь никто не знает, что там, за последней чертой. Может быть, они, их знакомые или родные ждут их и смотрят на них? Может быть, они вовсе не канули в Лету, а просто находятся в другом состоянии и продолжают то, что начали здесь, на земле? Этого наверняка не знает никто. И поэтому, наверное, многие из этого людского потока, независимо от того, верят они в Бога или нет, заходят в храм, который есть на каждом кладбище, чтобы поставить свечку и помолиться за упокой своих близких.

Немолодой уже мужчина с дочкой с общим потоком во-

шли в церковь, купили свечи, поставили их у распятия и стали слушать священника, который не то пел, не то говорил свои молитвы. Выйдя из храма, они свернули на дорожку и отделились от общего потока.

– Папа, а почему в церкви всех называют рабами? – спросила девушка. – Сами священники говорят, что Бог создал человека свободным. Только он может принять решение – верить ему или нет. А они всё раб божий, да раб...

– Честно говоря, мне и самому это не нравится, но, если задуматься, по большому счёту, они, наверное, правы.

– Вот тебе и на! Это почему же правы? Разве я не свободный человек?

– Теоретически, да.

– Почему только теоретически? Я свободна! Хочу – иду с тобой на кладбище, хочу – не иду.

– Почему же ты не пошла вчера?

– Просто сегодня родительская суббота.

– Вот видишь, у тебя есть обстоятельства, с которыми ты вынуждена считаться, следовательно, ты уже не свободна.

– Но мы все вынуждены считаться с обстоятельствами. По-твоему, все люди рабы?

– Нет, я так не сказал. Считаться с обстоятельствами – это не значит быть рабом. Раб – тот, кто полностью попадает в их зависимость. Этих обстоятельств много. Можно быть рабом денег, можно рабом власти, можно – рабом собственных заблуждений, одним словом, этих обстоятельств достаточно.

Но, по большому счёту, все обстоятельства сводятся к двум: добро и зло.

– Значит, как ни крути, всё равно раб?

– Абсолютной свободы не бывает. Человек свободен только в одном. Он свободно делает выбор, чьим рабом быть. Христа или Антихриста.

– Интересная у тебя логика.

– Я тебе уже говорил, что, по большому счёту, церковь права, а жить надо только по большому счёту.

– Всё равно мне непонятно...

– Это естественно. Для того, чтобы разобраться в этих вопросах, дана целая жизнь и, увы, выбор не всегда в пользу Христа.

– Папа, а ты разобрался?

Мужчина остановился и тяжело вздохнул.

– Моя жизнь ещё не закончена, – сказал мужчина, тяжело вздыхая. – Ну и жара! А ещё топать и топать, да ещё ты со своими рабами.

– Папа, давай в тенёчке посидим, смотри, вон скамеечка, – девушка показала на скамейку, стоящую возле могилы в тени дерева.

Мужчина с девушкой подошли к могиле и сели на скамейку.

– Смотри, папа, какая странная могила.

Девушка показала на надгробную плиту. Плита была расколота надвое. Отломанная часть отсутствовала, а на остав-

шейся большими буквами было написано слово – Раб.

– Наверное, дерево упало, – предположила девушка. – Интересно, какая у него была в действительности фамилия? Рабановский, Рабинский, Рабушин, – начала она гадать.

– Рабов Владимир Николаевич, – сказал мужчина.

– Ты что, знал его?

– Да.

– Нехорошо, был человек, была фамилия, а теперь как будто здесь раб лежит.

– А здесь раб и лежит. Никакой ошибки нет.

– Раб? – удивилась девушка. – Папа, расскажи, почему раб?

Глава 1

Это было первого сентября, я тогда в третьем классе был. Встретившись после летних каникул, мы с ребятами наперебой делились своими впечатлениями. Каждому хотелось рассказать свою историю, и каждый старался перекричать друг друга. В классе стоял такой шум, что никто не заметил, как прозвенел звонок, и в класс вошла учительница. Она держала за руку незнакомого мальчика. Остановившись у двери, она молча стояла с незнакомцем и ждала, когда класс успокоится. Наконец мы заметили её, и шум стал стихать. Школьники заняли свои места и замолчали. Я тоже занял своё место и стал разглядывать нового ученика. «Наверное, ко мне посадят», – подумал я. У меня, единственного в классе, не было соседа по парте. Вот и отлично! А то я всю прошлую четверть один просидел! Даже поговорить не с кем.

– Ребята! Это ваш новый товарищ, Володя Рабов. Он будет учиться в нашем классе, – сказала учительница.

– Кто, кто? – не расслышал Мишка, который сидел на последней парте. – Рябов?

– Не Рябов, а Рабов, – поправил его новенький. – От слова Раб.

– Значит, Раб, – засмеялся Мишка.

Новенького, действительно посадили за мою парту. Он сел за неё, достал тетрадку и, дождавшись, когда учительни-

ца отошла, спросил:

– Привет! Тебя как зовут?

– Саня, – ответил я. – Ты на Мишку не обижайся, он у нас всем прозвища даёт.

– А я и не обижаюсь. У меня фамилия такая. В прошлой школе меня тоже Рабом звали.

Урок промчался быстро. На перемене мы выбежали в коридор и Раба окружили ребята.

– Ты откуда к нам пришёл? – спросил его Мишка.

– Нас с Вологды перевели. Мой папа – военный. Теперь мы здесь жить будем.

– А где? – не унимался Мишка.

– Пока в офицерском общежитии, а потом нам квартиру дадут.

– Ну да, размечтался! Мой папа тоже офицер, но ему никто никакой квартиры не даёт.

– А моему дадут, потому что если мой папа чего-то захочет, то он всегда это получит.

– Это почему же твоему дадут, а моему нет?

– Потому что мой главный, а твой нет.

– А почему ты думаешь, что твой главный, а мой нет? Может быть, мой папа тоже главный.

– Двух главных не бывает. Если мой папа главный, значит твой главным быть не может.

Неизвестно, чем бы закончился этот спор, если бы не звонок. Ребята с шумом и криком побежали на физкультуру.

Мы с Рабом, взявшись за руки, тоже последовали их примеру.

В раздевалке я заметил на ногах у новенького длинные полосы синяков.

– Что это у тебя? Ты упал где-то?

– Нет, это отец.

– За что он так тебя?

– Да ни за что. Чтобы служба мёдом не казалась.

– Это как это?

– Ну, понимаешь, все и всегда должны помнить, кто главный. Мой папа всегда и везде главный.

– А бить-то зачем?

– Он главный, и если он это делает, значит, так надо. Разве не понятно?

– Нет, – удивлённо ответил я. – Меня никто и никогда не бил.

– Поэтому ты никогда не будешь главным, – серьёзно ответил Раб.

– А ты будешь?

– Я буду, – твёрдо ответил он.

– А как же твой папа?

– Это он сейчас главный, а когда я вырасту, то главным буду я.

– И ты его тоже ремнём будешь бить?

– Взрослых ремнём не бьют. Они и так знают, что главным надо подчиняться.

Непонятно как, но Раб за короткое время стал главным в классе. Я не помню ни одного мероприятия, где бы он отсутствовал. Во всех играх и проказах Раб был лидером, и все беспрекословно подчинялись ему. Хотя с одноклассниками он не водил особой дружбы. На переменках он часто бегал к старшим классам и там пропадал до самого звонка. Одноклассникам не нравилась его дружба со старшеклассниками но, привыкнув, они перестали обращать на это внимание. Он был той тёмной лошадкой, которая, обладая огромным авторитетом, умудрялась всегда быть наглухо закрытой для окружающих. Вероятно, и для меня он был бы закрыт, если бы не сидел со мной за одной партой. Здесь у него шансов не оставалось. Сидя со мной рядом в течение целого дня, он, вольно или невольно, вынужден был общаться со мной и высказывать своё мнение.

– А почему ты всё время убегаешь куда-то? – как-то спросил я его. – Неужели тебе с нами неинтересно?

– А разве тебе самому интересно? Что ты нового можешь узнать у них? – Он пренебрежительно посмотрел в сторону класса.

– А ты? Что ты нового узнал у них?

– Ты знаешь, например, как дети появляются? – Я от удивления раскрыл рот. – А я знаю.

– Но им-то с тобой разве интересно? От тебя-то они нового ничего не узнают.

– Это неважно. Зато я им нужен. Они, когда в туалете ку-

рят, меня на стрёму ставят.

– Куда, куда? – не понял я.

– На стрёму. Смотреть, чтобы учитель не поймал их.

– И что, тебе это интересно – у туалета стоять?

– У туалета стоять неинтересно, но они там главные, и я обязан выполнять всё, что они скажут.

– Нет, с нашими играть лучше. Не надо у туалета стоять. И главных у нас нет. У нас все равны.

– Нет, – ответил он резко. – У нас тоже есть главный. Это я. И если кто-то забыл, то я могу напомнить.

От его слов у меня мурашки побежали по спине.

После уроков у нас был классный час. Мы должны были выбрать старосту класса. Учительница предложила нам выдвигать кандидатуры и села за свой стол, не мешая познавать первые уроки демократии. Моментально в классе поднялся крик. Каждый хотел предложить на эту должность своего приятеля или подругу. При этом, каждый старался отвести под любым предлогом кандидатуру товарища и приукрасить свою. Учительница сидела за столом и только улыбалась. Видимо, она намеренно решила не вмешиваться в выбор учеников, для того, чтобы взять инициативу в свои руки только после того, как класс зайдёт в тупик.

Мало-помалу шум стал стихать, и среди детских голосов всё чаще и чаще стало звучать имя Никиты Петрова. Учительница уже собралась вмешаться в ход собрания, как неожиданно встал Раб.

– А я считаю, что Никита не может быть старостой, – неожиданно заявил он.

Шум в классе сразу прекратился.

– И почему же ты так считаешь? – поинтересовалась учительница.

– Потому, что он учится неважно. У него по математике тройка, а ещё потому, что он трус, – ответил Раб.

– Во-первых, мы здесь не математика выбираем, а старосту, а во-вторых, почему ты считаешь его трусом?

– Командир должен быть всегда лучше своих подчинённых, значит, и учиться он должен лучше всех.

– Ну, а что ты скажешь насчёт труса? Такие слова нельзя так просто говорить. Надеюсь, ты понимаешь это?

– Он сам не выдвигал себя на эту должность, значит, он боится.

– Он не боится, а стесняется, – выкрикнул Мишка. – Себя предлагать неприлично.

– Боится или стесняется, это одно и то же, – тут же ответил Раб. – Какой же он командир, если он застенчивый, как девица.

– А ты сам кого предлагал? – уже не говорил, а кричал Мишка. – Я что-то твоего голоса вообще не слышал.

– Я себя предлагаю, – спокойно ответил Раб.

В классе воцарилось гробовое молчание.

– Во-первых, я учусь лучше Никиты, а во-вторых, в классе все уважают меня.

– Тебя не уважают, а боятся, потому что ты к старшеклассникам бегаешь.

– Это ты так говоришь, потому что завидуешь мне. Тебя-то никто не предлагал. А себя назвать у тебя смелости не хватило.

Учительница, видя, что собрание может выйти из-под контроля, тут же вмешалась.

– Итак, выдвинуты две кандидатуры, – подытожила она. – Никита Петров и Володя Рабов. Ещё будут предложения?

Класс как будто онемел. Раб стоял за своей партой и обводил всех таким взглядом, от которого становилось жутко.

– Тогда давайте голосовать. Кто за Никиту, прошу поднять руку, – скомандовала учительница.

Раб продолжал сверлить всех своими глазами. Из всего класса поднялась всего одна Мишкина рука.

– Кто против? – спросила учительница.

Класс не реагировал на её слова.

– Кто за Володю Рабова?

Раб поднял свою руку вверх. По мере того, как он обводил взглядом класс, руки учеников послушно поднимались вверх. Только одна Мишкина рука не послушалась Раба и осталась лежать на парте.

– Кто против? – продолжала учительница.

Мишкина рука молнией взметнулась вверх.

– Нельзя ему старостой, – кричал он. – Он же злой, разве вы этого не видите?

Однако изменить уже было ничего невозможно. Решение было принято подавляющим числом голосов. Раб даже не обернулся на Мишкин выкрик. Он сидел рядом со мной совершенно спокойно. Только перед самым концом классного часа он повернулся ко мне и сказал:

– А ты говорил, что у нас нет главных. Запомни, главный должен быть везде, и в нашем классе главный – я.

На следующий день Мишка не пришёл в школу. Не было его и всю следующую неделю.

– Надо бы навестить Мишку, – как-то предложил Никита.

– Вот ты и навести его сегодня, – сказал ему Раб.

– Я не могу, у меня бассейн сегодня. Может быть, кого-нибудь другого попросим?

– Никого просить не надо, – возразил Раб. – Это не просьба, а приказ. Ничего с твоим бассейном не случится. Сходишь сегодня к Мишке, а завтра доложишь. Потом купайся в своём бассейне, сколько тебе хочется.

Утром Никита вошёл в класс, когда все ребята сидели за своими партами. Учительницы ещё не было. Проходя мимо Раба, он остановился.

– У него сотрясение мозга. Его избили, когда он в школу шёл.

– Кто избил? – спросил Раб.

– Он не знает. На него сзади напали. Его мама в милицию ходила, но они никого не нашли. Мишка ничего им рассказать не может.

– Что же он им может рассказать, – спокойно ответил Раб, – если ему по голове настучали.

– Что же теперь делать? – спросил Никита.

– Ничего, ты всё уже сделал. Иди в свой бассейн.

Ни у кого не было ни малейшего сомнения, что избili Мишку старшеклассники по просьбе Раба. Но никто ничего вслух не говорил. Все сидели молча и ждали, когда в класс придёт учитель.

Мишка больше в класс не вернулся. Родители перевели его в другую школу. Один раз приходил милиционер. Он вызывал в учительскую всех по одному и долго разговаривал с каждым. И, хотя все в случившемся подозревали Раба, милиционеру никто ничего не сказал. Мишкино место освободилось. Я пересел к Никите, а Раб оставался сидеть один.

Наш класс был лучшим в школе. Все мероприятия, которые проводились, выполнялись безукоризненно. Если какой-то ученик получал неуд, это было «ЧП». Староста тут же записывал что-то в свою тетраточку, а потом подходил к ученику и говорил:

– Тебе надо исправить оценку. Ты понял?

Ученик робко кивал головой, и оценка немедленно исправлялась.

Так продолжалось до пятого класса. Раб оказался прав. Его отец получил квартиру, и староста был переведён в другую школу.

Может быть, я и забыл бы об его существовании, но жизнь

сложилась так, что мне не один раз ещё приходилось сталкиваться с Рабом или слышать о нём.

Окончив школу, я успешно поступил в институт. Отыскав свою фамилию в списках, я как на крыльях полетел домой, чтобы обрадовать своих родителей. Я даже не обратил внимания, что за моей фамилией стояла фамилия Рабов. Когда первого сентября я входил в аудиторию, то в дверях столкнулся с Рабом.

– Раб! Это ты? Вот уж не ожидал тебя увидеть!

– Саня?! Вот так встреча! Недаром говорится: «Гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдутся».

– Слушай, надо бы нам отметить нашу встречу! Кстати, ты извини, что я тебя школьным прозвищем назвал. А то ещё услышит кто-то и опять прилипнет к тебе.

– Ты знаешь, я на это уже внимания не обращаю. Услышит кто-нибудь или нет, всё равно меня им окрестят. Вот уж подложил мне свинью папенька. Хоть фамилию меняй.

– Кстати, насчёт папеньки? Он у тебя ещё служит, или в отставку ушёл?

– Не ушёл. Это его ушли. Пришли молодые, здоровые, умные. Пришлось освобождать место. “Се ля ви” – всему когда-нибудь приходит конец.

Конечно, я уже и думать забыл про наши школьные годы. Шутка ли сказать – семь лет прошло! Да и кем мы тогда были? Глупыми детьми? Теперь передо мной стоял совершенно

другой человек: высокий, умный, красивый. Да и я был уже другим. Изменилось абсолютно всё: и внешность, и мысли, и цели, которые перед нами стояли. Мы были старые знакомые и одновременно совершенно незнакомые люди. И, тем не менее, нам обоим требовалось общение. Не потому, что мы были дружны в школе, скорее всего, это было любопытство. Нам очень хотелось узнать, как мог измениться человек, которого знал столько лет.

К сожалению, нам не дали договорить. Прозвенел звонок, и студенты заняли места в ожидании преподавателя.

Как только закончились лекции, мы с Рабом пошли в кафе, чтобы закончить разговор, который начали, и заодно отметить нашу встречу.

За столиком мы с любопытством смотрели друг на друга.

– Ну что, надо за встречу выпить? – спросил Володя. Он налил в рюмки вина.

– Святое дело!

Рюмки звякнули, и приятная теплота разлилась по всему телу. Хмель немного ударил в голову, и мы уже разговаривали, как неразлучные друзья, будто бы и не было тех семи лет, которые изменили нас до неузнаваемости.

– Так ты про отца не дорассказал. Что с ним произошло?

– В принципе, ничего интересного. Стал жертвой очередной кампании.

– Какой ещё кампании?

– Понимаешь, в армии время от времени начинают бо-

роться с дедовщиной, вот он под горячую руку и попался. Кто-то положил глаз на его место, пришли дяди в лампадах и стали рубить сук, на котором сидят.

– Какой сук?

– Я про дедовщину. Бороться с ней – это рубить сук, на котором сидишь.

– Значит, ты считаешь, что дедовщина – это тот сук, на котором держится вся армия?

– Почему только армия? На этом принципе всё в стране держится. Вспомни, как Советский союз стал сверхдержавой. Половина страны в лагерях сидела и работала, а вторая половина стучала друг на друга.

– Но это же рабский труд! В таком случае давай и Гитлера и Геббельса оправдаем. Они тоже для своей страны старались.

– Они побеждённые, поэтому никто оправдывать их не будет. На войне прав только победитель.

По мере того, как вино всё сильнее и сильнее ударяло нам в головы, голос наш становился всё громче и громче. Мы даже не заметили, как у нашего столика образовалась небольшая группа людей, которая с большим вниманием наблюдала за нашей дискуссией.

– Да чёрт с ним, с Гитлером, – перебил я Раба, – давай вернёмся к нашим баранам. Что у твоего бати случилось?

– Да, в принципе, ничего особенного. К ним в часть поступила партия новобранцев. Ну, как водится, ребятам дали

«прописку». Одному по почкам немного попало. А он возьми ночью и обоссись кровью. Представляешь, это во время работы этой комиссии.

— Кровью?! И ты так спокойно об этом говоришь? Я слышал, что эти «прописки» в тюрьмах делают. Что же, наша армия не по уставу, а по понятиям живёт? Так же только бандиты поступают.

— Ну, ты не передёргивай. Живёт армия по уставу. Только надо понимать, что есть законы писанные, а есть неписанные.

— Ты знаешь, все эти неписанные законы у Солженицына хорошо описаны.

— Тоже мне, нашёл авторитет! Солженицын. Он же сам бывший ЗЭК. Да ещё враг народа.

— И нобелевский лауреат, к тому же!

— А ты знаешь, почему он нобелевским лауреатом стал? Тогда холодная война была. Всё, что делалось против нашей страны, щедро оценивалось на Западе. Вот ему там и дали эту премию за то, что он собственную страну грязью обливал. Будь моя воля, я бы его снова на зону послал, пусть теперь там «В круге втором» напишет.

Резкий удар по столу заставил нас вздрогнуть. Пожилой мужчина, не сдержав эмоций, так ударил кулаком, что мы тут же замолчали.

— Правильно говоришь, парень! Давить таких писак надо!

Мужчина подвинул свой стул к нашему столику и, перенеся со своего стола водку и закуску, без всякого разрешения

обосновался за нашим столом.

– Я хочу выпить за тебя! – Мужчина похлопал Раба по плечу. – Честно говоря, мне не очень-то нравится современная молодёжь. Но вижу, что я заблуждался. Нет, не все ещё продались.

Мужчина налил себе и нам водки и поднял свою стопку. Раб заулыбался и залпом выпил.

– А ты что не пьёшь? – спросил меня мужчина.

– Да мы вино пили... А водку с вином мешать...

– Экий ты нерусский! Вот у своего приятеля учись, – он с гордостью посмотрел на Раба. – Главное, градус понижать нельзя. А что касается водки, так это самый русский напиток.

Я залпом выпил водку.

– Неужели вы считаете, – спросил я нашего собеседника, – что рабский труд может быть плодотворным?

– А ты у своего Солженицына спроси. Где во время войны современная техника создавалась? В шарашках, – ответил сам на свой вопрос собеседник. – А полководцы откуда на фронт пришли? Опять-таки из зоны.

– Это вы так говорите, потому что у вас никто не сидел. Если бы из ваших кого-нибудь посадили, у вас бы другая точка зрения была.

– И опять ты ошибаешься, парень. У меня отец десять лет отсидел. А скажи ему что-нибудь про Сталина, так он тебе всю глотку перегрызёт.

– Ну, тогда я ничего не понимаю, – развёл я руками.

– То-то и оно. – Обнял меня собеседник по-отечески. – Что ты всё заладил, раб да раб... Это, понимаешь, смотря кому служить. Если великой державе, так я и рабом за честь сочту.

К столику подсел ещё один незнакомец.

– Пётр, – представился он. – Я про армию хочу сказать. Вот вы, демократы, – Пётр посмотрел на меня, – армию с грязью смешать готовы. А спроси вас, служили вы в ней? Так вот, мне кажется, что нет. А я служил. Старшиной был. Так вот, что я вам скажу, то, что вы рабством и дедовщиной обзываете, не что иное, как элементарный порядок называется. И то, что старослужащие командирам помогают порядок поддерживать, так разве это преступление?

– Я не про порядок говорю, – возразил я ему, – а про дедовщину. Вы отбивание почек порядком называете?

– Ну, если честно, то и почки тоже. Каждый присягу даёт, каждый клянётся переносить все тяготы и невзгоды воинской службы. Клятву-то он даёт, да только переносить никаких тягот не собирается. Каждый норовит улизнуть от службы. Я хочу спросить, а кто родине служить будет? До таких патриотов можно достучаться, только если им по почкам стучать.

К столику стали подсаживаться ещё какие-то люди. Они громко о чём-то кричали и стучали кулаками. Каждый из них считал своим долгом обругать демократов и провозгласить

тост. Не пить было нельзя. Они так смотрели, как будто ты Родину предаёшь. В голове всё завертелось. И, хотя она уже плохо соображала, я совершенно чётко осознавал, что в нашем споре с Рабом абсолютно все разделяли его позицию, и никто не поддержал меня.

Я зачем-то попытался встать, но ноги как-то разъехались, и я снова плюхнулся на стул.

– Ух, как развезло твоего друга, – услышал я чей-то голос.

– На воздух ему надо! – говорил другой.

Меня подхватили под руки и куда-то поволокли. Уж не знаю, где и сколько меня выгуливали, но пришёл я в себя от того, что Раб водил бутылочкой с нашатырём у моего носа.

– Где это мы? – спросил я Раба.

– О! Очухался! В садике мы. Не домой же тебя вести в таком виде? Ты хоть помнишь что-нибудь?

– Помню, в кафе были, – начал вспоминать я. – Помню, мужики какие-то набежали. А потом ничего не помню.

– А потом ты этих мужиков рабами обзывал, а они тебе пытались доказать, что это не так.

– Ну и как, доказали?

– Наверняка доказали бы, да твоё счастье, что ты сломался.

– А то бы что?

– А то бы они тебе по почкам начали доказывать, что ты не прав, – засмеялся Раб.

Мы ещё час ходили по городу. Володя посмотрел на меня

и тоном, не терпящим возражения, скомандовал.

– Теперь можно домой.

Он проводил меня до дверей квартиры, нажал на звонок и, услышав за дверью шаги, быстро ушёл.

Мысленно я уже представлял, как меня встретят родители. То, что головомойка мне обеспечена, я нисколько не сомневался.

Дверь открыл папа.

– Ой! Только два часа ночи, а ты уже дома? – пошутил он. – Ты великолепно выглядишь!

В коридор вышла мама.

– Да хватит тебе! – осадила она отца. – Ему сейчас выспаться надо. Завтра поговорите. Только не забудь и себя вспомнить. Помнишь, как ты набрался на первом курсе? Тогда я тебя еле домой доволокла.

Я добрался до кровати, разделся и рухнул на неё.

Утром, когда я проснулся, голова была свежая. Я сразу вспомнил, что было вчера. Но стоило мне встать на ноги, как снова всё закружилось и тело заныло.

– С пробуждением, Сашенька! Как головка? – встретил меня отец.

– Ох! – только и смог я выговорить.

– Пошли рассол пить. Сейчас лечиться будем.

Мы пошли с ним на кухню. Мама уже хлопотала у плиты. На столе стояла трёхлитровая банка с огурцами.

– Давай, лечись, – мама указала на банку. – Ты что пил-

то вчера?

– Сначала вино, а потом водку.

– Ерша хватанул, – сказал отец. – Хорошо, что ещё с пивом не мешал. Запомни, Саня, вино с водкой никогда мешать нельзя.

– А мне сказали, что градус нельзя понижать.

– Это кто же тебя так просветил?

– Мужик какой-то.

Мама с папой расхохотались.

– Честно говоря, я думал, что вы меня ругать будете. А вы смеётесь.

– Кончилось время тебя ругать. Взрослым ты стал. А то, что ты силы свои не рассчитал, так это даже и к лучшему.

– Да чего же хорошего? Голова как помойное ведро.

– Вот в этом вся наука и есть, – сказала мама. – Ты сегодня себя целый день свиньёй чувствовать будешь. И норму свою на всю жизнь запомнишь. Не расстраивайся, через это все парни проходят. Было бы хуже, если бы ты сегодня встал, как огурчик.

– Хорошо, что сегодня в институт не надо, – пряча улыбку, сказал отец. – Представляешь, с какой физиономией ты бы сегодня показался там? Это вы что, всей группой так первое сентября отметили?

– Да нет. Знакомого в институте встретил. Вот и зашли в кафе поболтать. Да вы его знаете. Володя Рабов. В нашей школе с третьего по пятый класс учился.

– Раб что ли? – удивился отец.

– Ну да. Помните, он у нас ещё старостой был.

– Ещё бы не помнить! – оживилась мама. – Разве эту историю возможно забыть? Он и в институте у вас старостой станет, попомни моё слово.

– Да, полно тебе, мама! Когда это было? Мы же тогда детьми были. Всё давно изменилось.

– Я не буду с тобой спорить. Пройдёт время, и ты всё сам увидишь.

– Папа, а ты тоже так считаешь?

– Понимаешь, Саня, – задумчиво ответил отец, – человек формируется до шести лет. А дальше меняется только форма, а содержание остаётся, как правило, неизменным.

– По-твоему, после шести лет в сознании человека ничего существенного не происходит?

– По-моему, так. До шести лет происходит формирование личности человека. Создаётся его нравственный костяк.

– А потом?

– А потом идёт его дальнейшее развитие, но уже на базе этого костяка.

– Значит, потом уже изменить в принципе ничего нельзя?

– Почему нельзя? Можно. Только это очень трудно сделать. Человек начинает воспринимать мир через призму тех убеждений, которые ему заложили в детстве. Попадает, так сказать, в их зависимость.

– Становится их рабом, – добавил я.

– Можно сказать и так.

– Рабом, – повторил я и задумался.

– Ну да, рабом, а что, собственно, тебя так взволновало?

Вы что, обсуждали эту тему?

– С ним – нет. Мы говорили про дедовщину в армии. Он считает, что неуставные отношения – это тот сук, на котором держится не только армия, но и всё общество. У него отец был военным, и его позиция по этому вопросу меня не удивила. Я удивился другому.

– Чему? – заинтересовался отец.

– Тому, что абсолютно все, кто принимал участие в нашем споре, а в нём принимало участие много людей, поддержали Володину точку зрения, а не мою.

– Что же здесь удивительного? – сказала мама. – Ты же этот спор не в академии наук затеял, а в пивной?

– Не в пивной, а в кафе.

– Какая разница? Как говорит папа, меняется форма, а не содержание.

– Значит, ты считаешь, что если бы я на эту тему разговаривал с интеллигенцией, то результат был бы другим?

– Конечно, другим, но ты не обольщайся. Ты бы всё равно был бы в меньшинстве. Я всех людей делю на две категории, – пояснила мама, – это рабы и цари. Увы, но в основной своей массе у людей рабская психология. В обществе царей мало, большинство рабов, даже среди интеллигенции.

– Честно говоря, мне трудно поверить, что Володька – раб.

Он всегда старался быть первым. Мама только что сказала, что нисколько не сомневается в том, что и в дальнейшем его поведение вряд ли изменится.

– Ты просто неправильно понял маму. Царь не тот, кто имеет много власти и денег, а тот, кто свободен от предрассудков. Мало того, царь использует свою свободу для созидания, а не для разрушения. Иисус был царём, хотя ничего не имел, а Понтий Пилат был рабом, хотя имел и власть и деньги.

– Но если всё так, как ты говоришь, – не соглашался я с отцом, – то как ты объяснишь такое явление, как прогресс? Ты только что сказал, что созидать могут цари, а не рабы. А так как в основной своей массе люди рабы, то общество не может быть созидательным.

– Я не говорил, что рабы не могут созидать. Они созидают, и очень даже хорошо, но только при одном условии: они должны быть в кандалах, а рядом с ними должен стоять надсмотрщик с плёткой. Сними кандалы, убери надсмотрщика, и они тут же уничтожат всё, что только что создали. Самое опасное – это дать рабу свободу. Нет более жестокого хозяина, чем освобождённый раб.

У Володи Рабова утро началось тоже с головной боли. Стоило ему подняться с постели, как вчерашний день тут же напомнил о себе. Он, сморщившись, как прошлогодний лист, держась за стенку, чтобы не потерять равновесия, по-

бежал на кухню, чтобы найти чего-нибудь остренького. Там, в трусах и майке, уже сидел отец.

– О! Явление Христа народу! – засмеялся он. – Головка не болит?

– Тебе смешно, а мне не до смеха.

– Садись. Сейчас тебя вылечу.

Отец вытащил из холодильника бутылку водки и налил своего «лекарства» в стакан. При этом не забыл и про себя.

– А у тебя что, тоже голова болит? – спросил Володя.

– Тебе для лечения, а мне для профилактики, – отшутился отец. – Пить в одиночку – самое последнее дело. – Он поднял свой стакан и чокнулся с Володей.

«Лекарство» и действительно подействовало. Не успела приятная теплота дойти до желудка, как головная боль стала утихать.

– Огурчиком, огурчиком закуси, – учил отец. – А теперь щей кислых поешь. Мамка уже приготовила.

Володя поморщился, глядя на тарелку со щами, но спорить не стал. Стоило ему только попробовать, как отношение к щам резко изменилось. Тарелка моментально опустела.

– После первой и второй промежутков небольшой. – Отец снова налил водки.

Володя с отцом залпом выпили. Володя расплылся в улыбке и посмотрел на отца.

– Ну что, вылечился? – смеялся отец. – Учись, пока я жив.

Действительно, от утреннего состояния не осталось и сле-

да.

– Ну, а теперь рассказывай, где это ты так вчера набрался?

– Представляешь! Захожу вчера в аудиторию, и кого ты думаешь, я встречаю? Саню! Я с ним с третьего по пятый класс учился. Вот и пошли отметить нашу встречу.

– Это какого Саню, с которым ты ещё за одной партой сидел?

– Ну да.

– Значит, вы теперь в одном институте?

– Не только в институте, но и в одной группе.

– Ну, а набрались-то как? Силы не рассчитали по молодости?

– Дело не в силах. Саня про тебя спрашивал. Ну, просто так спросил. Я ему и рассказал про то, как тебя из армии поёрли. Одним словом, спор про дедовщину пошёл. Так ты представляешь? Все мужики со своих мест повскакивали, и к нам за столик. А Саня давай им лекции про свободу и права человека читать.

– А ты?

– А что я? Ты мою точку зрения знаешь. Так представляешь, они не на меня, а на Саню набросились.

– А ты?

– А я выпил с ними за наши принципы, тем и разрядил обстановку.

– А Саня?

– А Саня в завершение их рабами обозвал. Можешь пред-

ставить себе, в каком он состоянии был. Пришлось его потом ещё домой провожать, а то бы мужики могли ему и главный аргумент предъявить. Один так и сказал: «До таких патриотов можно достучаться, только если им по почкам стучать». Не бросать же мне товарища?

– Да, товарища... – недовольно прошипел отец. – Давай-ка ещё выпьем, сынок.

Он разлил по стаканам водку и, не дожидаясь сына, опустошил стакан.

– Давай пей, – приказал он Володе. – Вот из-за таких товарищей твоего отца с армии и попёрли. Интеллигенция сраная! Думают, что в белых перчатках можно что-то построить и не испачкаться! А вот это ты видел?

Отец смачно сложил кулак в кукиш и сунул его почти в физиономию сыну.

– Да что ты на меня-то окрысился? – возмутился Володя. – Я как раз так и не считаю.

– Да разве дело в тебе? Ты посмотри, что в стране делается? Горбачёв этот вылез откуда-то. Вокруг себя интеллигентов этих вшивых поставил. Что со страной-то будет, я тебя спрашиваю?

– Нас теперь учат, что интеллигенция – это совесть нации, – заметил Володя.

– Это вас так теперь учат? Тьфу! А нас, сынок, учили по-другому. Знаешь, что Ленин про интеллигенцию говорил? Интеллигенция – это говно!

– Зачем же ты меня в этот институт запихал? – спросил его Володя. – Хочешь, чтобы и я таким стал? Уж лучше бы я в военное училище пошёл. Там всё проще. И никакой интеллигенции.

– Не наше сейчас время, сынок. Нельзя тебе туда. Смотри, что они делают! Варшавский договор распустили. Войска из Германии выводят. Кому ты служить собираешься? Этим гнидам?

– А после института что? Разве что-нибудь по-другому будет?

– После института ты свободный человек будешь. Не на них, а на себя работать станешь. Ну а потом всё вернётся на круги своя. Придут к власти наши, так уж мы дадим им просрать. Умоются они кровавыми слезами.

Этот разговор, видимо, очень задел отца. Глаза его засверкали, зубы закрипели, а руки затряслись. Он взял бутылку, посмотрел на оставшуюся водку и сказал:

– Давай допьём это. И кончим разговор, а то я ещё не сдержусь, да сам перестройку начну – по-своему.

Только они успели допить водку, как на кухню вошла мать.

– Ты что же это делаешь, старый дурак? – закричала она на отца. – Мало того, что сам от бутылки оторваться не можешь, так ты ещё и сына к этому приучаешь?

– Цыц, дура! – заорал на неё отец. – Знай своё место и не суй нос не в свои дела, когда мужчины о делах разговарива-

ют.

– Какие дела? – не унималась мать. – Были дела, да все вышли! Хоть бы штаны надели! Ну надо же, сидят голые, и с утра водку хлещут!

Мать ушла с кухни, а отец, что-то пробормотав себе под нос, снова заплетающимся языком обратился к сыну:

– Вовка, никогда не слушай баб. Они, как и интеллигенты, только сопли пускать умеют. А на счёт этого дела, – он посту- чал пальцем по бутылке, – не бери в голову. Это я так, чтобы депресняк снять. На тебя у меня вся надежда. Вот встанешь на ноги, мы с тобой такие дела делать будем! Ты что же, ду- маешь, у меня связей не осталось? Вот они где у меня все будут. – Отец сжал свой огромный кулак и погрозил вообра- жаемым интеллигентам.

Отца сильно развезло. Он стал что-то невнятное бормо- тать, голова его стала всё больше и больше склоняться, на- конец, она полностью успокоилась на столе, и слышалось ровное и спокойное дыхание. На кухню снова вошла мать.

– Ну слава Богу, уgomонился, – проворчала она.

– Да ладно тебе! – прервал её Володя. – Хватит на него нападать. Его ведь тоже понять можно. Шутка ли сказать: был полковником, а стал пенсионером.

– Да неужто я не понимаю? Ты бы, сынок, поскорее свой институт заканчивал, да что-нибудь организовал. Вон, сей- час кооперативы разрешили... Может и для отца бы дело на- шлось. А то ведь, он не сможет без дела жить. Сопьётся, а по-

том вперёд ногами на кладбище. У вас, у мужчин, это сплошь и рядом. Это мы, женщины, себе работу везде найдём.

Володя с матерью подхватили отца под руки и поволокли в спальню.

Только после всего этого Володя надел брюки. Он подошёл к зеркалу и посмотрел на себя.

«Да, его время кончилось, – подумал он про отца, – Теперь наступило моё время. Теперь я главный».

Встретив в институте Раба, я не успел с ним даже поговорить. Увидев друг друга, мы, не сговариваясь, рассмеялись. Мне, конечно, хотелось спросить у него, как он добрался до дома и как его встретили родители, но начались занятия. Пришлось отложить наш разговор до следующего раза.

После занятий наша группа осталась в аудитории, чтобы выбрать старосту. Я сразу вспомнил третий класс. Однако здесь всё происходило с точностью наоборот. Никто не хотел заниматься этой организационной работой. Каждый искал причины, чтобы увильнуть от этого хомута. После долгих споров куратор, который, наверное, уже привык к подобным процедурам, вмешался в ход собрания.

– В таком случае, я сам назначу старосту.

– Ну зачем же такие жертвы! Среди нас есть люди, которые считают, что подневольный труд никогда не может быть плодотворным, – сказал с места Раб.

– В этом есть логика, – ответил ему куратор. – Но, что же

делать, если все отказываются? Лично вы кого предлагаете?

– Я могу предложить только себя, – шутливо ответил Володя.

– Никто не возражает? – спросил куратор.

Кто же мог возражать? Все с облегчением подняли руки вверх. Вопрос был решён. Группа уже хотела разойтись по домам, но неожиданно Раб остановил всех.

– Э, нет. Так дело не пойдёт, – громко сказал он. – Скинули с себя хомут и сразу по кустам. А расхлёбывать всё мне?

– А что расхлёбывать? – спросила удивлённая студентка. – Все вопросы решены, чего же ещё надо?

– Я предлагаю скинуться, – заявил Раб.

– А на что? – переспросила девушка.

– Не на что, а зачем, – поправил её Раб. – Нам всем познакомиться надо. Давайте скинемся и поедем куда-нибудь за город. Там поближе познакомимся. Мы же не знаем даже, как зовут друг друга.

– А что? Это отличная идея, – поддержала Раба девушка. – Кстати, зовут меня Наташа.

– Ну вот, с одним человеком уже познакомились, – улыбнулся Володя. – А меня зовут Володя Рабов. Все слышали? Значит так, кто хочет всей группой поехать за город, подходите ко мне записываться.

Володя достал чистый лист бумаги и ручку. Тут же его окружили студенты и стали наперебой совать ему деньги и выкрикивать свои фамилии.

– Раб, меня запиши, – послышался чей-то голос.

Володя засмеялся и повернулся в мою сторону.

– Ну, что я тебе говорил? – сказал он мне. – Услышат или не услышат эту кликуху, всё равно она ко мне прилипнет.

Бабье лето. Интересно, кто придумал его? Если говорить об официальных временах года, то такого понятия просто не существует. Однако в действительности оно есть. Природа как будто вспоминает о каких-то недоделанных делах и снова из осени возвращается в лето. Снова солнце начинает нагревать землю, снова листья подставляют себя золотым лучам, снова надежда зажигается во всём живом на Земле. А может быть, чудо произойдёт? А может быть, возможно повернуть всё назад и вернуться в прошлое? Увы, увы, и ещё раз, увы! Время невозможно повернуть вспять. Всё подчинено только одному закону, это движение вперёд. А бабье лето – только небольшая остановка для того, чтобы оглянуться назад, осмыслить всё произошедшее и снова продолжить свой путь.

Именно такое настроение навевало бабье лето на всю нашу группу, которая по предложению старосты собралась за городом. Студенты сидели вокруг костра на берегу небольшой речушки, смотрели на огонь и слушали потрескивание веток в костре.

Все вспоминали школьные годы и грустили, что эта страница жизни уже перевернута и нет на свете силы, которая

могла бы перелистнуть её назад. Ну хоть на один день, хоть на час, хоть на одно мгновение! Нет. Только вперёд, никаких послаблений. Воспоминания – это всё, что осталось для каждого из нас.

– А может быть, хватит об этой школе? – вывел из воспоминаний всю группу Раб. – Неужели она не надоела вам за одиннадцать лет?

– Всякое бывало, – задумчиво ответила Катя. – Но, самое печальное, что больше никогда этого не будет.

– Вот и отлично! Надо глядеть только вперёд. Только будущее может быть интересно, – ответил ей Раб.

– Без прошлого нет будущего, – поддержал Катю Дима.

– А если всё время оглядываться назад, то можно голову себе разбить, потому что будешь идти затылком вперёд. – Володя встал и отошёл от костра к речке.

Я, Дима и Катя последовали за ним, желая довести свой спор до конца.

– Мне тоже кажется, что без прошлого нет будущего, – сказал я Володе. – Возьми хоть наше поступление в институт. Каждый из нас мечтал о будущей профессии ещё в школе. Вот и выходит, что наше настоящее родом из прошлого.

– Ну, это ты по себе судишь, – ответил Раб. – Лично я ни о какой профессии никогда не мечтал. Не всё ли равно, какая у тебя профессия?

– Ну, ты же сам решал, в какой институт поступить, – удивилась Катя, – значит, ты думал об этом?

– Если честно, то я ничего не думал. У нас в семье за всех отец думал. Он сказал, вот я и поступил.

– Хорошо, пусть этот вопрос решал отец. Всё равно, он исходил из твоих наклонностей, которые сформировались в прошлом, а не в будущем, – сказал Дима.

– А вот в этом-то ты и не прав. Мой отец как раз исходил не из прошлого, а из будущего. По его расчёту, через пять лет профессия экономиста станет самой высокооплачиваемой.

– Неужели только деньги надо учитывать при выборе профессии? – спросил я.

– А что же ещё? – не понял меня Раб.

– Как минимум, профессия должна приносить удовлетворение, – сказал Дима. – Это же чокнуться можно, работать на работе, которая раздражает.

– Удовлетворение могут принести только деньги и власть. Всё остальное способно только раздражать.

– Но, позволь, – возмутилась Катя, – чтобы достичь власти и денег, надо сначала работать. А деньги – это только оплата за труд.

– Что касается власти, то я с тобой не согласен, – возразил Раб, – Возьми, к примеру, нашу группу. Разве, избрав меня старостой, вы не наделили меня маленькой властью?

– Тоже мне, власть! – усмехнулся Дима. – Скорее, это обязанность.

– Значит, ты считаешь, что у меня вообще никакой власти нет? – Раб с иронией смотрел на Диму.

– Нет, я так не сказал. Власть, конечно, есть, но уж очень маленькая.

– Мы сейчас не будем обсуждать количественное выражение этой власти, – развивал дальше свою теорию Раб. – Главное, что она есть. И это мой главный аргумент в нашем споре.

– В каком споре? – не поняла Катя.

– Вот тебе и приехали... – развёл руками Раб. – Спорили, спорили и забыли, о чём спорили? Ты же сама пыталась мне доказать, что для того, чтобы получить власть и деньги, нужно сначала много работать?

– Да, это я помню, – не понимала старосту Катя. – Я не понимаю, в чём заключается твой аргумент?

– А аргумент заключается в том, что для того, чтобы получить власть, совсем не обязательно долго работать. Вы избрали меня старостой только потому, что никто из вас сам не хотел быть избранным.

– Ну хорошо. А как насчёт денег? У тебя тоже аргумент есть? – спросила Катя.

– Есть. Если есть власть, значит, есть и деньги. А если есть деньги, значит, есть и власть.

– Ну, вот ты и попался! – обрадовался Дима. – Как только что мы выяснили, власть у тебя всё-таки есть. А вот денег от этой власти нет.

– А это что?

Раб достал из кармана деньги и показал их нам.

– Но это же наши деньги, которые мы сдали тебе на по-

ездку, – удивлённо сказала Катя.

– Какая разница, чьи это деньги? Главное, что они есть, и они у меня. Это, как раз, и доказывает, что власть и деньги неразделимы. Маленькая власть – маленькие деньги, большая власть – большие...

– Ну, нет, это не считается, – оживилась Катя. – Ты же не можешь распоряжаться этими деньгами по своему усмотрению? В таком случае, как ты утверждаешь, и кассира в магазине можно назвать человеком, наделённым властью. Попробуй она распорядись деньгами по своему усмотрению, да от неё мокрое место останется.

– Катюша, зачем спорить? – улыбаясь, сказал Раб. – В споре только один аргумент имеет значение – это доказательство. А мы здесь не спорим, а так, только воздух сотрясаем.

– Значит, у тебя нет доказательств? – ехидно спросил Дима.

– Нет, – ответил Раб. – Только не у меня, а у тебя.

Раб пренебрежительно посмотрел на Диму, взял свою спортивную сумку и куда-то ушёл.

– Ну вот, обиделся! – разочарованно сказала Катя.

– А что я, собственно, такого сказал? – удивился Дима.

– Да ладно вам! Ничего он не обиделся. Просто задумал что-то. – Мне почему-то этот спор был неприятен, и я хотел скорее перевести разговор на другую тему. – Смотрите, что это там по реке плывёт?

Я указал рукой в сторону реки. По ней действительно что-

то плыло. Катя тут же подбежала к самой воде. Дима не отходил от неё ни на шаг. По тому, как Дима смотрел на Катю, было видно невооружённым глазом, что она ему очень нравится. Катя тоже это заметила. И ей это определённо нравилось. Она нарочно вертелась перед ним, строила глазки, а сама с явным удовлетворением наблюдала за своим поклонником.

– Да это же венки! – крикнула Катя.

Действительно, по реке один за другим плыли венки.

– Это кто-то посылает их нам. Их обязательно надо достать!

Она шла за венками вдоль берега, но венки достать было невозможно. Дима нашёл длинную палку, но и это ему не помогло. Палка не доставала до венков.

– Дима, смотри, лодка! – Катя указала на лодку, которая была привязана к берегу, далеко вниз по течению реки.

Они оба побежали к лодке, обгоняя венки. Я не торопясь пошёл за ними, наблюдая, как бежит Катя, а за ней с палкой несётся Дима.

Катя добежала до лодки и забралась в неё. Дима с палкой тоже устроился рядом с ней.

Я подошёл к ним в тот момент, когда венки должны были подплыть к лодке.

– Димка, не зевай! Палку приготовь! – почему-то шёпотом сказала Катя.

Дима выставил палку вперёд и приготовился ловить вен-

ки. Как только они поравнялись с лодкой, он вытянулся вперёд и зацепил палкой венок. При этом лодка накренилась, черпнула бортом воду и Катя с Димой, плавно, как в замедленной съёмке, повалились в воду.

– Ой! – только и успела крикнуть Катя.

Река моментально поглотила её, и она скрылась под водой. Я не успел даже сообразить, что произошло, а Дима уже стоял по пояс в воде и держал на руках мокрую и испуганную Катю. Она прижалась к нему всем телом, обвила руками его шею и только стучала зубами от страха и холода.

Дима, стоя в воде, держал Катю, и даже не пытался выйти из реки. Непонятно, что привело его в оцепенение, то ли падение с лодки, то ли спасение Кати, но мне кажется, что он остолбенел от другого. Мокрое платье Кати стало почти прозрачным. Оно как бы перестало существовать. Впервые в жизни Дима прижимал к себе практически обнажённое девичье тело. Он чувствовал биение её сердца и её дыхание. Именно это привело его в состояние шока, именно поэтому он стоял, как вкопанный и не знал, как себя вести. Однако вечно это длиться не могло. Дима пришёл в себя и огляделся по сторонам. Взгляд его остановился на палке, которая, зацепившись за лодку, покачивалась на воде и держала зацепившийся за неё злополучный венок. Дима, держа на руках мокрую Катю, медленно подошёл к венку, высвободил одну руку и достал его. Потом он вышел на берег и остановился передо мной.

Я смотрел на них, не моргая. Испуг, который овладел мной, стал проходить, а на смену ему пришёл смех, который невозможно было сдержать. Глядя на Диму, абсолютно мокрого, держащего на руках такую же мокрую Катю, да ещё в придачу мокрый венок, я хохотал и не мог остановиться.

– Да ты её хоть на землю поставь, – еле говорил я Диме сквозь смех.

Он поставил Катю на землю. Она была вся синяя от холода, а нижняя челюсть у неё тряслась.

– Платье надо снять, а то заболеешь, – сказал ей Дима. – И к костру надо побыстрее.

Все трое мы повернулись в сторону костра. Он светился маленькой точкой почти у горизонта.

– Ничего себе! Сбегали за цветочками! – залязгала зубами Катя. – Пока до костра дойдём, точно околеем.

– Ничего, – подбодрил её Дима. Он прыгал на одной ноге и пытался снять брюки, которые прилипли к телу. – Мы бегом побегим, заодно и согреемся.

– Ты раздеваться-то будешь? – спросил я Катю. – Или воспаление лёгких хочешь подцепить?

– Так как же я пойду? Голой что ли?

– Не пойдёшь, а побежишь, – уже смеялся Дима. – А голой не надо. Я тебя в твой венок одену.

Он взял мокрый венок и надел его на голову Кате.

– Вы хоть отвернитесь.

Мы отвернулись. Катя разделась, отжала свои трусики и

начала их снова натягивать. Нога, на которой она прыгала, наступила на острый камень. Катя попыталась удержать равновесие, но запуталась в трусах и рухнула на землю.

– Ой!!!

Мгновенно мы с Димой повернулись и бросились к ней на помощь. Она лежала на траве обнажённая со спутанными трусами ногами.

– Вы что?!!! – закричала она, натягивая трусики.

– А ты что? – спросили мы хором.

– А я ничего, просто грохнулась, – и Катя расхохоталась.

Она смеялась не над той ситуацией, в которую попала, а над нами. Вид двух молодых парней, которые стояли, выпучив глаза, раскрыв рты, и смотрели на голую девушку, вероятно и не мог вызвать иной реакции.

– Рты закройте! Чего стоите? Мы к костру-то побежим? Или вы уже согрелись?

Она натянула мокрые кроссовки, подала мне одежду и побежала к костру.

– Саня, ну раз ты на это подписался, то и мою возьми. – Дима протянул мне своё мокрое бельё.

Мы побежали догонять Катю.

Наша компания сидела у костра и, кажется, даже не заметила нашего отсутствия. Все оживлённо о чём-то говорили. Однако вид раздетой девушки и двух гонящихся за ней парней привлёк их внимание.

– Т-а-к! – сказал Олег, приставая с корточек, глядя на бе-

гущих. – По-моему тут что-то неладное. Надо вмешаться.

– Так это же наши! – узнала бегущих Наташа. – Смотрите, это же Катя, а те двое – Саня и Дима!

– Интересно, – не понял Олег. – А почему она голая? И зачем Саня с Димкой гонятся за ней?

– А ты попробуй угадать с трёх раз! – захихикала Марина. Все громко засмеялись.

– Катька! А не быстро ли ты бежишь?! – закричала Марина.

– Ничего, если не догонят, то хоть согреются, – поддержал Маринину шутку Олег.

– Быстрее! Быстрее! – начали кричать все остальные.

Кто-то нашёл верёвку и тут же приспособил её в качестве финишной ленточки.

– Ка-тя! Ка-тя! Ка-тя! – пищали девчонки.

– Дим-ка! Дим-ка! Саня! Саня! – вторили им баском ребята.

Катя первая дотронулась грудью финишной ленты и повалилась от усталости на траву.

– Фу, вот теперь действительно согрелась! – только и смогла она сказать. От неё шёл пар.

– Качай чемпионку, – раздался чей-то голос.

Парни схватили Катю и стали подбрасывать её вверх. Я и Дима подошли к костру. Ребята закончили качать Катю и поставили её на пень, как на пьедестал, поправив венок на её голове.

– Что ж вы девицу догнать не могли? – спросил нас Олег.

– А ты сам побегай за ней, а я на тебя посмотрю, – ответил я ему.

– Катюша, посоревнуешься со мной! – предложил Олег.

– Нет уж. Я уже набегалась. Ты, вон, Наташу догони попробуй.

– А, что, я могу! – тут же согласилась Наташа. – А раздеваться обязательно? – посмотрела она на Катю.

– Так ведь если ты не разденешься, кто же за тобой победит?

Взрыв хохота раскатился по реке, как весенний гром. Студенты стали скидывать с себя одежду и, как очумелые, гоняться друг за другом по берегу реки. Не прошло и двух минут, как у костра остались только я, Дима и Катя.

– Ну вот, теперь сухой одежды хоть отбавляй. – Дима поднял с травы чью-то куртку и накинул её на плечи Кати. – Садись к костру поближе, а то замёрзнешь.

Катя слезла со своего пня, подобрала что-то Диме и подала ему.

– Ты тоже накинь.

Я собирал веток и устроил из них сушилку. Мы сели у костра и стали наблюдать за ребятами.

– Надо же, только что мы были совсем чужими людьми, а прошло два часа, и у меня такое чувство, что я всех их, – Катя показала рукой на бегущих ребят, – знаю лет сто, не меньше.

– Вот видишь, как здорово, а ты ещё ехать не хотела! – Дима подбросил веток в костёр. – Еле уговорил её, – пояснил он мне.

– Да этот Раб, он как начал липнуть ко мне с этой поездкой, так во мне что-то и взбунтовалось. Уж очень не люблю я, когда на меня кто-то давит.

– Кстати, а где он? – спросил Дима. – Как ушёл от нас, не говоря ни слова, так его больше и нет. Может быть, он и действительно обиделся на нас?

– Да не бери ты в голову, – сказал я Диме. – Раб не тот человек, которого можно обидеть. Скорее, он тебя обидит.

– А ты что, знал его раньше, до института, я имею ввиду? – спросила меня Катя.

– Мы в школе учились вместе. С третьего по пятый класс.

– Странно, я бы никогда не подумал, – удивился Дима.

– Почему странно?

– Ну, как-то заметно, если люди давно знакомы или дружат.

– Мы никогда не дружили с ним. По-моему, он вообще в школе ни с кем не дружил.

– Странно, – удивилась Катя. – А со стороны кажется, что он очень компанейский. Знаете, есть такие люди, которые притягивают к себе – лидеры. Кстати, этой поездкой мы же обязаны ему?

– А он и есть лидер. Он и в школе им был, и здесь, в институте, да я уверен, что и дальше он им останется.

– Тогда тем более странно. Если он лидер, почему же он не имеет друзей?

– Потому что он раб, – сам не зная, почему, сказал я.

– Раб? – удивилась Катя. – Но разве раб может быть лидером? Разве раб может притягивать к себе людей?

– Может, ещё как может, – ответил я ей.

– А чего же не может раб?

– Он никогда не может быть человеком, – задумчиво отвечал я. – Он не может радоваться, не может любить, не может вот так просто скинуть с себя одежду и голышом бегать вдоль реки. Он всегда прагматичен, всегда ревностно служит обстоятельствам. Он их раб. Он думает, что имеет всё, а на самом деле, он не имеет ничего, ибо готов отдать всё этим обстоятельствам, даже свою собственную жизнь.

– Ну, ты уж что-то очень намудрил, я ничего не поняла.

– О чём спорим? – раздался знакомый голос.

Из кустов вышел Раб. В руке у него была спортивная сумка. Та самая, с которой он ушёл от нас. Однако было видно, что сумка была заполнена чем-то очень тяжёлым.

– Кстати, а почему голышом? – удивился Раб, глядя на Катю и Диму.

– Что ты так уставился на меня? – спросила его Катя. – Посмотри! – Она показала рукой на полянку вокруг костра, на которой валялась одежда всей группы и на студентов, бегающих вдоль реки. Парни были одеты только в трусы, а девушек кроме трусиков украшали лифчики.

– А мы как раз о тебе говорили, – сказал Дима. – Слабо тебе снять с себя всю одежду и побегать вдоль реки голышом, как они?

– Ну почему, как они, – засмеялась Катя. – Давай больше. Попробуй совсем без всего. Ты же староста, должен быть круче их.

– Перед тобой, Катюша, могу, сколько угодно, а перед ними – нет. И именно потому, что я староста.

– Не понимаю, а почему староста не может бегать голышом по берегу реки со своими однокашниками? – спросил Дима.

– Обстоятельства не позволяют. Я же староста.

Дима с Катюшей переглянулись и выразительно посмотрели на меня.

– Нет, ты поподробней про обстоятельства расскажи, – стала заводить Раба Катя. – Почему это передо мной можно, а перед группой нельзя?

– Перед тобой можно потому, что ты женщина, а я мужчина...

– Фу, какая пошлость, – поморщилась Катя.

– А перед группой нельзя потому, что я какой ни есть, а всё-таки командир и не должен идти на поводу у своей команды. Понимаешь, команда должна идти за мной, а не я за командой. Вот, собственно, все обстоятельства.

– А ты никогда не пробовал взять и наплевать на все обстоятельства? – спросил Дима. – Ну, человек же не робот?

Знаешь, иногда хочется вот просто так, взять и побегать голышом, и наплевать на все обстоятельства.

– Ты знаешь, мне такое даже в голову никогда не приходило. – Раб как-то недоверчиво посмотрел на нас. – Слушайте, а что у вас произошло? Вы что, с ума все посходили?

– Да никто с ума не сходил, – вмешался я. – Просто Катя с Димой пытались вытащить венок из речки и упали в воду. Пришлось снять мокрую одежду и греться с помощью бега. Видишь, одежда сохнет?

– Ну, это понятно, – сказал Раб, придурковато улыбаясь. – С вами ясно, а они-то почему голышом бегают?

– Понимаешь, они посмотрели на нас, и им тоже захотелось побегать голышом, – попыталась объяснить ему Катя.

– Честно говоря, ничего не понимаю. С вами всё понятно. У вас так сложились обстоятельства, что вы вынуждены были снять одежду, а им-то это зачем?

– В этих обстоятельствах как раз вся соль. – Катя для убедительности стала размахивать своими руками перед носом Раба. – Людям стало завидно, что у нас так сложились обстоятельства, что мы были вынуждены не считаться с обстоятельствами. И они тоже захотели наплевать на обстоятельства, скинули одежду и стали бегать голышом. Понятно?

– Н-е-т! – как-то неестественно проговорил Раб.

Впервые в жизни Володя Рабов перестал ориентироваться в обстановке. Всегда с тех пор, как он себя помнил, логика полностью определяла его мышление. Всегда он знал,

что хотел и зачем. Всегда умело просчитывал пути к наметенной цели и всегда достигал её, именно потому, что чётко знал, что определённые поступки вызовут определённые действия. Но сегодня произошёл сбой. Сегодня логика оказалась служить ему. Он, командир, не понимал, что думают его подчинённые. Он чувствовал себя идиотом. А может быть, это они идиоты? Так это, или нет, но должна быть причина и для этого. Значит, есть кто-то другой, кто может руководить мыслями этих людей помимо него? И этот кто-то сильный противник, раз вот так быстро заставил всех подчиняться своей воле. Нет, это не входило в Володиные планы. Первый должен быть он. Только он и никто другой.

– Ну, что же здесь непонятного? – вспыхнула Катя. – Это же так просто.

– Обожди, обожди, – прервал Катю Раб. – Давай разберёмся сначала. Кто разделся первый?

– Я, – ответила Катя.

– А потом?

– Потом Дима.

– А потом?

– Потом все остальные.

«Вот он, кто-то, – подумал Раб. – Вот тот, кто повёл за собой всю толпу. Мало того, она и меня хочет убедить в этом. Вон как ручонками то размахивает. Ну уж нет. Не на того напала. Однако что же я могу ей противопоставить? Я же даже не понимаю, какими рычагами она воздействует на толпу».

– Ну, теперь-то ты всё понял? – требовала от него ответа Катя.

– Нет, – уже твёрдо заявил Раб. – Не только не понял, но и понимать не хочу.

– Ну какой же ты, право...

Неизвестно, чтобы ему могла наговорить Катюша, если бы их разговор с Рабом не прервали. Студенты, набегавшись вдоволь, возвращались к костру. Красные и мокрые от пота, они падали у костра на траву и в блаженстве выпускали пар, который исходил от их разгорячённых тел.

– О, и староста откуда-то появился! – удивился Олег, увидев Раба. – А у нас тут без тебя новый лидер, Катюша.

– Точно, лидер, – подтвердила Наташа. – Всего несколько минут, а всю усталость как рукой сняло. Будто и не было ни выпускных экзаменов, ни вступительных.

– А всего-то нужно было просто побегать голышом, – вставила Марина. – Катюша, а нам надо было тебя в старосты выбирать.

Эти слова как ножом полосонули по сердцу Володи.

– Вы бы оделись лучше, – сказал Раб, ничем не выдавая своего угнетённого настроения. – Не так уж и жарко. Простудитесь всей группой, мне, что ли, на лекции одному за вас ходить?

– Да, что правда, то правда, – согласился Олег. – Согреться сейчас бы не помешало. Да и бельё уже высохло.

Олег снял с веток одежду Кати и Димы, ощупал и кинул

её им.

– Что касается согреться, то нет никаких проблем. – Раб вытащил из спортивной сумки несколько бутылок вина. – Всё предусмотрено.

– Вот это предусмотрительность! – обрадовался Олег. – Ты что, мысли наши читаешь?

– Ну, вы же не переизбрали меня ещё?

– Нет, при таком раскладе переизбрание отменяется, – смеялся Олег, читая название вина на этикетке. – Пусть у нас будет и староста и лидер. Одно другому не мешает.

В одно мгновение появилась откуда-то белая тряпка, которая была использована в качестве скатерти. На неё выставили закуску, о существовании которой никто даже и не подозревал. Девчонки быстро изготовили из бумаги стаканчики. Прошло всего пять минут, а группа, уже одетая, сидела вокруг костра со стаканчиками в руках.

Раб вытащил из сумки коньяк.

– А это для мужчин, – торжественно произнёс он.

Сначала выпили за лидера группы – Катюшу, потом за старосту, а потом уже никто и не помнит за что. Только после того, как всё спиртное было выпито и вся закуска съедена, студенты перевели дух, и развалились на траве в немыслимых позах. Дима сидел возле меня, а Катюша лежала рядом, положив свою голову к нему на колени. Раб подошёл к нам и сел рядом.

– Слушай, Владимир, – обратился к Рабу Олег. – А отку-

да ты мог предвидеть, что нам действительно понадобится спиртное? Ведь об этом и разговора даже не было. А когда мы стали бегать, тебя не было. Ты же не мог знать об этом заранее?

– Просчитать можно любое развитие событий. Если очень постараться, конечно, – ответил ему Раб.

– А если серьёзно, – спросила Раба Катя, – ты же не мог знать, что я с Димой упаду в воду? Ты не мог предвидеть, что нам придётся раздеться и сушить бельё у костра?

Раб наклонился к нам поближе и почти шёпотом сказал:

– Если вы помните, наш разговор закончился тем, что власть предусматривает деньги, а деньги предусматривают власть. В качестве примера я показал вам деньги, которые оказались в моих руках именно потому, что я обладаю хоть и маленькой, но властью. Катя не приняла мой довод, так как считала, что это деньги не мои. Я не стал спорить. Я просто пошёл в магазин и потратил их по своему усмотрению. Без решения тех, кому эти деньги принадлежали. Вот вам и доказательство моей правоты. Я трачу деньги по своему усмотрению, а те, кому они принадлежали, даже хвалят меня за это.

– Это не считается, – возразил Дима. – Это просто случайность, что вино пришлось кстати.

– Случайность – это частный случай закономерности, – быстро, как заученную фразу, выпалил Раб.

– В чём дело? О чём это вы там шепчетесь? – привлекла

внимание всей группы к нам Наташа.

– Да уж, давайте без тайн, – поддержал её Олег. – Кстати, Володя, ты так и не закончил свою мысль о том, что просчитать можно любое развитие событий. Если это возможно, то может быть, ты нам предскажешь будущее?

– В принципе, можно, конечно. Только это займёт много времени. Вас много, а я один.

– Ну хорошо, если нельзя для всех, то хоть для одного, для себя, например. Ты знаешь, что тебя ждёт?

– Знаю, конечно. Я женюсь.

Вся группа расхохоталась.

– Тоже мне, предсказатель! – смеялся Олег. – Так каждый может.

– Тогда поставь вопрос конкретнее.

– На ком ты женишься?

– На Кате, – не задумываясь, ответил Раб.

Все снова засмеялись.

– На мне? – Катя даже поднялась с коленей Димы. – А ты у меня хотя бы спросил? Честно говоря, мне такие мужчины как ты не нравятся.

– Нет, вы посмотрите! Как вам это нравится? – возмутилась Наташа. – Не успел увидеть девушку без платья и сразу жениться? А мы? Чем мы хуже?

Она задрала подол своего платья и показала свои стройные ножки.

– А они? – Наташа показала рукой на остальных деву-

шек. – Ты уж объясни нам, а то вон сколько врагов наживёшь!

– Ножки здесь не причём, – ответил Раб. – Хотя, справедливости ради, надо отметить, что они хороши. Дело совсем в другом.

– Интересно, в чём же? – Наташа опустила подол платья.

– Дело в том, что Катя, как только что мы выясняли, тоже является лидером. Посудите сами, разве можно держать двух тараканов в одной банке? Они либо должны стать одним целым, либо перегрызть себе глотки.

– Во-первых, с чего это ты взял, что я лидер? – прервала Раба Катя. – Я ничего никого не заставляла делать, а во-вторых, с чего ты взял, что я собираюсь перегрызать тебе глотку?

– А любовь, – обратилась к Рабу Марина, – ты что, любовь даже в расчёт не берёшь?

– Ой, да перестаньте вы! – недовольно махнул рукой Раб. – Какая ещё любовь? Это всё детские сказки. Ваша любовь ни что иное, как инстинкт. Всё, что вы называете любовью, необходимо только для продолжения рода.

– Нет, давай разберёмся в этом подробнее, – вступил в дискуссию Олег. – Я бы согласился с тобой, если бы ты так сказал о страсти. Страсть действительно инстинкт. А любовь? Разве она имеет хоть какое-нибудь отношение к инстинктам? Возьми, к примеру, хоть пожилых людей. Разве перед ними стоит задача продолжения рода? Но они любят

друг друга.

– Ничего подобного. Пожилые люди просто привыкли друг к другу. Они не в состоянии изменить свой образ жизни и поэтому считают, что не могут друг без друга жить.

– А жёны декабристов? – вспыхнула Марина. – Они тоже не хотели изменить свой образ жизни, и поэтому поехали за своими мужьями в Сибирь?

– А при чём тут декабристы? – не сдавался Раб. – Что ты вообще о них знаешь? Ты знаешь, например, что они были владельцами Российско-Американской компании? Ты знаешь, что самодержавие не давало развиваться предприятиям, как того хотели их владельцы? – Раб пренебрежительно посмотрел на Марину. – А ты, конечно, уж подумала, что они свой заговор для народа устроили? Да плевать они на твой народ хотели, впрочем, как и народ хотел плевать на декабристов. В данном случае царь оказался сильнее, вот их и сослали в Сибирь.

– Однако народ не забыл их подвига до сих пор, – поддержал Марину Олег. – Сколько про них книг написано, сколько фильмов снято?

– Ну при чём тут народ? Писатели и режиссёры просто на них деньги делают. Вы же не станете отрицать, что книги и фильмы делают не только про декабристов, но и про бандитов тоже. Мишка Япончик, например, по-вашему, он тоже для народа старался?

За разговором никто не заметил, как стемнело. Я посмот-

рел на часы.

– Во-первых, – прервал я спор, – вы отклонились от темы. Начали про любовь, а докатились до бандитов, а во-вторых, если мы не начнём сейчас собираться, то опоздаем на электричку.

Как по команде все повскакивали со своих мест и стали собираться. Не прошло и часа, как вся группа уже была в городе. Дружная компания простилась и растворилась в людском потоке.

– Тебя проводить? – услышала Катя за своей спиной голос старосты.

Она обернулась. Рядом с ней стоял Раб, а чуть поодаль Дима.

– Спасибо, не надо. – Катя посмотрела в сторону Димы. – Дима, ты меня проводишь?

– Конечно, – тут же ответил он.

Катя обошла Раба, взяла Диму за руку и подчёркнуто громко, так, чтобы Раб слышал, сказала:

– Пошли.

Катя с Димой скрылись из виду. Раб один стоял на платформе и смотрел им в след.

– Ну ничего, ещё посмотрим, чья возьмёт, – пробурчал он себе под нос и пошёл в метро.

Глава 2

То, что Дима провожает Катю домой, назвать можно было с большой натяжкой. Они ходили по улицам и никак не могли расстаться. Дима захлеб читал своей спутнице Есенина, а та, в свою очередь, поражала его своими познаниями в области архитектуры.

– Ты что, всего Есенина наизусть знаешь? – удивлялась она.

– Да что ты? Разве можно его знать всего? Просто он мне очень нравится, вот я и запомнил немножко.

– Ничего себе, немножко! Я и десятой части не знаю того, что ты мне рассказал.

– Не надо прибедняться. Вот у тебя действительно энциклопедические знания! Пока мы с тобой шли, ты рассказала мне про все здания: кто архитектор, когда построено, что в нём было раньше, что сейчас. Такое впечатление, что ты экскурсовод.

– Да ну, какой я экскурсовод? Экскурсоводы больше рассказать могут.

– А вот и не больше. Давай я укажу тебе на любое здание, а ты мне расскажешь, про него. Вот это, например.

Дима повернул Катю на сто восемьдесят градусов и ткнул пальцем в первое попавшее здание.

– Ну что, расскажешь или слабо?

Катя посмотрела на здание и неожиданно рассмеялась.

– Значит, ничего не можешь рассказать?

– Я тебе уже рассказывала, – продолжала смеяться Катя.

– Ты мне не могла рассказать, потому что мы уже ушли от того, про что ты рассказала.

– Нет, рассказывала. Посмотри сам.

Дима посмотрел и тоже засмеялся. Перед ним был вокзал от которого он пошёл провожать Катю домой.

– А приехал я назад, а приехал в Ленинград, – озорно сказала Катя.

– Ну и что, – ответил Дима, – значит, я опять буду провожать тебя. Слушай, Катюша, а у тебя дома беспокоиться не будут? Время уже не детское.

– Так ведь и мы не дети, – ответила Катя. – Обожди немного, я сейчас позвоню домой.

Она отпустила Димину руку и подбежала к телефону. Разговор продолжался минут пять. Было видно, что Катя вначале расстроилась, потом долго спорила, а потом, положив трубку на рычаг, весело вернулась к Диме.

– Ну вот, всё в порядке. Я сказала, что нахожусь под защитой очень надёжного человека.

– И тебя так сразу отпустили?

– Ну, не сразу, конечно, но отпустили. Папа помог. Он всегда меня понимает.

Катя посмотрела на Димину спортивную сумку.

– Слушай, Димка, так это ты с этой торбой со мной гулял?

– А куда же я от неё денусь?

– Давай её в камеру хранения сдадим, а после того, как нагуляемся, заберём?

– Это идея!

Они сдали сумку в автоматическую камеру хранения и на легке снова стали гулять по городу.

– Слушай, Катюша, а зачем ты Раба дразнишь? Мне кажется, что он обиделся на тебя за то, что ты так подчеркнуто отказала ему, а мне сама предложила себя проводить.

– Да и пусть обижается сколько хочет. На сердитых воду возят.

– В принципе, он никому ничего плохого не делал. Просто у человека другое мнение. Может же человек иметь своё мнение. Если ты обиделась насчёт того, что он женится на тебе, так это же просто шутка. Это все поняли.

– Во-первых, шутка дурацкая, а во-вторых, не нравится он мне и всё. Сухой он какой-то, не живой.

– Просто он прагматик. Есть романтики, а есть прагматики. А интересно, почему так получается, что одни люди романтики, а другие прагматики?

– Не знаю. А он такой, потому что он раб. Помнишь, как Саня про него говорил?

– Это ты напрасно. Нельзя так о человеке. При чём тут его фамилия?

– А что это ты так защищаешь его? Он что, тебе очень нравится?

– Честно говоря, не нравится. Просто я считаю, что надо относиться терпимо к мнению, даже если оно не совпадает с твоим.

– А я считаю, что нельзя относиться терпимо к человеку, который считает, что любовь – это инстинкт.

– А ты сама как считаешь? Что такое любовь?

– Любовь? – Катя задумалась. – Наверное, мы и живём на земле, чтобы разобраться, что такое любовь. Но она есть. Она даётся каждому человеку, однако не каждый способен увидеть её. Такой, как Раб, не способен.

– А секс? Разве любовь бывает без секса? А уж это явно предназначено для продления рода.

– Да, но не только. Секс – это великий дар, он скрепляет любовь, цементирует её. Недаром, для девушки целомудрие так же важно, как честь для мужчины.

– Увы, но, к сожалению, целомудрие осталось в прошлом веке. Сейчас о сексе говорят совершенно открыто, и никто никого не стесняется.

– И правильно, что говорят открыто. Разве можно стесняться того, чем наградил человека Бог?

– А целомудрие? Разве это понятие не забыто?

– Забыто. Забыто такими прагматиками, как Раб. Это они не верят ничему. Это у них нет ничего святого. Но, к счастью, есть и другие люди. Просто их трудно заметить. Они не выпячивают себя напоказ. Они не стремятся быть лидерами.

– Однако же ты лидер?

– Ой, да перестань ты! Что вы ко мне с этим лидером прилипли? Разве я виновата, что в речку упала? Кстати, это же ты меня толкнул.

– О, как здорово! Выходит, я во всём виноват?

– А кто же? Я, что ли, лодку перевернула?

– А кто за венками побежал?

– Ну ладно, какая разница, кто кого толкнул? Мы оба оказались в воде. Просто я первая прибежала. Если бы ты был первый, то тебя бы окрестили лидером.

– Ну, не скажи. Если бы я голышом прибежал, то все просто посмеялись бы, и всё. А вот ты прибежала, и все стали бегать. Интересно, а что бы твои родители сказали, если бы узнали про это?

– Про что про это?

– Ну, про то, что вся группа разделась и стала бегать вдоль реки.

– Мама бы точно не поняла. Сказала бы, что все девчонки развратницы.

– А папа?

– Папа бы всё понял. Ты знаешь, он у меня современный и совсем не закомплексованный, как то поколение.

– Так ты с папой на все темы можешь свободно говорить?

– Абсолютно.

– А я нет. Они у меня ортодоксы.

– А хочешь, приходи ко мне, я тебя с ним познакомлю.

– А что, возьму и приду. Только потом. Если я сейчас при-

ду, то меня, я думаю, даже твой папа не поймёт.

Дима вытянул левую руку, посмотрел на часы и выразительно показал их Кате.

– Ничего себе, поболтали, называется! Кстати, а мы уже почти и пришли. Вон, видишь тот дом? Я в нём живу.

– А я там, – Дима показал на соседний дом. – Пойдём. Провожу тебя и на вокзал.

– На какой вокзал?

– Ты что, забыла, мы же сумку там оставили.

– Ой, правда! Слушай, так что, мы живём в соседних домах и никогда раньше не встречались?

– Выходит, так.

– Дима, не ходи сегодня на вокзал, а то я волноваться буду. Давай мы с тобой вместе за сумкой после лекций сбегаете.

– Договорились.

Дима проводил Катю домой, добежал до соседнего дома и скрылся в парадной.

– Поздновато, поздновато домой возвращаешься, – встретила Диму мать. – Мы с отцом уже все глаза просмотрели.

– Заболтались с ребятами и про время забыли. Еле на электричку успели.

– Насчёт ребят не знаю, а вот как ты с девицей никак проститься не мог, я из окна видел, – сказал отец. – Кто это?

– Студентка с нашей группы. Поздно уже, вот я её до дома и проводил.

– А фамилия?

– Какая разница, какая у неё фамилия?

Дима вошёл на кухню и стал наливать себе чаю. Отец достал себе чашку и тоже сел рядом.

– А всё-таки. Это же наш, военный дом. Там половина офицеров из нашей части живут.

– Не помню, Андреева, кажется.

– Андреева?! Ничего себе!

– А что ты так разволновался? Ну Андреева, а ты, что знаешь её?

– Я же тебе говорю, что всех в этом доме знаю. Значит, вы с Катькой в одном институте учитесь?

– В одной группе, – уточнил Дима.

– Мать, слышишь! – закричал отец. – Димка с дочкой нашего командира учится.

– С Катериной что ли? – Мама зашла на кухню и тоже достала себе чашку.

– С Катериной, – робко ответил Дима. – А вы что, знаете её?

– Да как же не знать? – всплеснула руками мама. – Мы же вместе полстраны объездили. Вот с таких лет знаем. – Она рукой показала около тридцати сантиметров от пола. – Вот ведь, что город делает! Живём рядом, а друг про друга ничего не знаем. Отец, ты как хочешь, а Андреевых в гости пригласи.

– Да это без вопросов, только повод-то какой?

– А тебе обязательно повод нужен? Вспомни, как вы лейтенантами собирались. Никаких поводов не требовалось.

Мама повернулась к сыну и, не моргая, уставилась на него.

– Ну, что молчишь? Рассказывай.

– Про что рассказывать, – не понял Дима.

– Не про что, а про кого, – уточнил отец. – Про Катерину, конечно.

– А что рассказывать? Поехали с группой за город. Я её проводил до дома, вот и всё.

– Да на чёрта нам твоя группа сдалась! Ты про Катю расскажи, – настаивала мама.

Дима рассказал всё, что мог: и про разговор с Рабом, и про венки, про то, как они с Катей упали в воду, и про то, как голышом бегали.

– И что, вот так голые все и бегали? – переспросила мать.

– Ну, не совсем, конечно, но бегали.

Диме очень интересна была реакция родителей относительно этого бега. Честно говоря, ему было немного обидно, когда он узнал от Кати, что она могла говорить с отцом на любые темы. Его интересовало, поймут ли его родители их поступок.

– Ну, молодец девка! – улыбался отец. – Эх, скинуть бы мне лет этак двадцать, я бы тоже голышом побегал.

– Ты что, с ума сошёл, старый? – ахнула мать. – Молодым за девками не бегал, а теперь? Телевизора, что ли, посмотрелся?

Мама молча, никого не спрашивая, достала рюмки и вино. Так же молча она налила себе и отцу. Вероятно, долгая совместная жизнь уже научила этих людей понимать друг друга без слов. Они молча печально посмотрели друг на друга и выпили.

– А ведь ты прав, старый, – сказала мать отцу. – Вот скинуть бы лет двадцать, да побегать вдоль речки голышом.

Говоря это, мать посмотрела на свой живот и похлопала по толстым плюшкам, свисающим по бокам.

– А сейчас, разве побегаешь? – она печально вздохнула. – Ушло наше время, отец.

Отец достал третью рюмку, поставил её перед Димой и налил вина.

– Ничего, мать, теперь сын за нас побегает.

Все трое выпили вино.

– А вы, когда молодые были, разве никогда так не бегали, – спросил родителей Дима.

– Да что ты? – махнула рукой мать. – Не дай Бог юбку выше колена приподнять, сразу из комсомола вылетишь.

– А помнишь брюки? – стал вспоминать отец. – Раньше брюки узкие в моду входили – «дудочки», – объяснял он уже сыну. – Вот ты представь, одел бы ты эти брюки, а тебя за это из института взяли и попёрли.

– За что? – не понял Дима.

– За брюки. Не понимаешь?

– И правильно, что не понимает, – сказала мать. – А вот

мы понимали. И не только понимали, но и возмущались на таких. Помнишь, отец, мы их тогда стилистами называли. А сейчас вспомнишь, даже смешно. Ну какая, собственно, разница, узкие у тебя брюки или широкие?

– Неужели так было? – спросил Дима.

– Было, ещё и не такое было.

– Да как же вы тогда жили? – удивился Дима.

– Да вот так и жили, – сказала мать. – И не просто жили, а ещё и считали, что лучше всех живём.

– Понимаешь, сынок, каждый человек живёт в свою эпоху. – Отец встал и обнял сына за плечи. – Тогда было так. Мы думали, что свободны, а в действительности были обыкновенными заложниками системы, её рабами. А ты у нас свободен.

– Папа, а сейчас рабы есть?

– Да сколько угодно! Вот мы с матерью, например. Думаешь, нам нравятся все эти нововведения? Да нам плевать хочется, глядя на них. А почему? Не всё же, что делается, плохо? Нет, просто нам уже не перестроиться. Мы были рабами, ими и умрём. Мать, налей-ка ещё по одной! Давай выпьем за Димку с Каткой, за свободных людей.

Мама стала наливать вино.

– Ты зубы-то не заговаривай, – ворчала она на отца. – Когда Андреевых позовёшь?

– Ну что ты пристала? Сейчас что ли звать? Ночь на дворе. Они, поди, уж десятый сон видят.

– Какой сон? У них дочь только что с гулянки пришла. Сидят, небось, на кухне и так же, как и мы, молодость вспоминают.

– Ну всё, не отлипнет теперь. – Отец встал и пошёл к телефону.

* * *

Дима чуть было не опоздал на лекции. Когда он вбежал в аудиторию, все студенты сидели уже за столами. Он остановился в дверях и стал искать кого-то глазами. Наконец взгляд его остановился. Он смотрел на Катю. Она сидела за столом, а место рядом с ней было занято. Там сидел Раб. Катя что-то искала в своей сумке, а Раб, наклонившись к её уху, что-то говорил ей. Дима стоял и не знал, что ему делать. Раб как будто увидел Диму затылком. Он неожиданно повернулся и, улыбаясь, посмотрел на Диму.

– Что же ты стоишь в дверях? Проходи, свободных мест много.

В спину Диму кто-то толкнул. Он обернулся и увидел преподавателя.

– Молодой человек, может быть вы будете решать, посещать вам лекции или нет в коридоре, а не в дверях? – Дима посторонился, пропуская преподавателя.

– Значит, вы решили всё-таки не ходить на занятия? – спросил его преподаватель.

– Почему? – удивился Дима.

– Потому что после себя я в аудиторию уже никого не впускаю.

Дима опять встал перед преподавателем, преграждая ему дорогу. Преподаватель выразительно посмотрел на Диму. Тот густо покраснел, но оставался на своём месте. Студенты, глядя на эту картину, взорвались хохотом. Только Катя даже не улыбнулась. Она посмотрела на Диму, поймала его взгляд и виновато опустила голову, как будто в том, что произошло, была её вина.

– Я вижу, вам без посторонней помощи не разобраться, – тоже смеясь, сказал преподаватель. – Позвольте, я помогу вам.

Он взял Диму за руку и проводил к свободному столу. Студенты расхохотались ещё больше. Дима готов был провалиться сквозь землю. Преподаватель стоял перед студентами, а те заливались смехом, не в силах остановиться.

– Довольно, довольно, – успокаивал их преподаватель. – Пошутили немного, и хватит. Давайте начнём работать.

Смех в аудитории стал стихать, и лекция стала протекать по своим, отточенным десятилетиями, законам. Единственный человек в группе так и не смог подчиниться этим законам. Это был Дима. За две пары лекций он даже не открыл своего конспекта. Дима смотрел на Катю, а если точнее, то на её спину. Ему было прекрасно видно, как Раб увивается перед ней. То он что-то доставал из своего портфеля и

предлагал ей, но та отрицательно мотала головой, то что-то очень долго нашёптывал Кате на ухо, но она отмахивалась от него, как от назойливой мухи. Левая рука Раба всё время не знала, куда деться. Она постоянно вертелась за Катиной спиной и неизменно успокаивалась на спинке Катиного стула, при этом всякий раз старалась коснуться её спины. Как только это происходило, Катя дёргалась, и рука моментально исчезала. Однако не проходило и пяти минут, как рука снова маячила за спиной Кати. Это сильно раздражало Диму, и к концу лекций он уже не знал, на кого он больше злился, – на Раба или на Катю.

Лекции закончились. Дима сидел на своём месте, так и не решив, подходить к Кате или нет.

Катя нарочно медленно убирала всё со стола в свою сумку. Она ждала Диму. Но всякий раз, оглядываясь на него, видела его злые глаза.

Наконец Дима решился подойти к ней. Но он опять опоздал. Около Кати вертелся Раб.

– Может быть, пойдём сегодня куда-нибудь? – говорил он ей.

– Как-нибудь в другой раз, – отвечала она. – Сегодня я занята.

– Если не секрет, чем?

– Почему секрет? – нарочно громко сказала Катя. – Мы с Димой сегодня на вокзал идём за сумкой.

– Какой сумкой? – не понял Раб.

Дима, как только услышал своё имя из уст Кати, тут же пришёл в себя. Он впился глазами в Раба и подтвердил:

– Да, да, нам в камеру хранения надо.

Катя схватила Диму под руку и потащила его из аудитории. Раб остался стоять на месте. Он, с искажённой от злости физиономией, смотрел им в след, и шипел себе под нос:

– Крепкий орешек. Ну что ж, придётся постараться.

Катя с Димой, держась за руки, выбежали на улицу, и пошли к вокзалу.

– Что ж ты опаздываешь всё время? – ворчала на него Катя.

– Проспал, – виновато оправдывался Дима.

– Место было свободно, вот он и сел. Не могла же я его выгнать?

– Видел я, как он к тебе приставал.

– Кто это ко мне приставал? – не поняла его Катя.

– Раб, кто же ещё?

– Ну, ты даёшь! Никто ко мне не приставал. Напротив, он очень был тактичен.

– Что же он сзади тебя рукой водил, всё на спину пристроить её пытался?

– Ты знаешь, у меня на спине глаз нет.

– Так, что? Тебе понравилось с ним сидеть?

– Слушай, не рановато ли ревновать? Нечего было спать.

Пришёл бы раньше и пристраивал бы свои руки куда хотел.

– И ты бы её не столкнула?

– Твою нет.

Катя вдруг резко остановилась и посмотрела на часы.

– А куда это мы с тобой идём?

– Как, куда? На вокзал, за сумкой.

– За какой сумкой? Мне же домой надо!

– Да ты же сама сказала, что мы за сумкой идём.

– Это я так, чтобы он отстал от меня. Я не могу сегодня.

Я отцу обещала.

– Чего обещала?

– Понимаешь, папу сегодня в гости пригласили. Со всей семьёй. А я, вместо того, чтобы домой бежать, на вокзал с тобой собралась.

– К кому пригласили?

– Да я и сама их не знаю. Сослуживиц его. Они раньше служили вместе. Я тогда ещё маленькая была.

Дима хитро улыбнулся.

– Так что же ты стоишь? Бежим скорее.

Они взялись за руки и побежали домой. У парадной Катя остановилась.

– Ну вот, пора прощаться, Димуля. Увидимся теперь только завтра.

– Почему завтра?

– Потому, что вряд ли из гостей мы рано освободимся.

– Человек предполагает, а Бог располагает, – хитро ответил Дима.

– Не поняла?

– Скоро всё поймёшь. Я не прощаюсь.

Дима помахал Кате рукой и побежал домой.

– Господи, где тебя черти носят? – заругался отец, увидев дочь. – Мы с мамой уже заждались тебя. Утром же договаривались, что из института без всяких задержек домой.

Катя обвила шею отца и расцеловала его.

– Ну не ругайся, папка! У меня причина уважительная.

– Не подлизывайся, лиса. Какая ещё причина?

– Ну честно, уважительная.

– Ну какая?

– Ну уважительная, и всё.

– У тебя что, секреты от меня появились?

Катя ещё сильнее сдавила отцу шею.

– У меня никогда не было от тебя секретов и не будет. –

Она прижала свои губы к самому уху отца.

– Тогда почему же ты не хочешь мне говорить?

– Папка, причина действительно уважительная. Я влюбилась.

Отец от неожиданности сел на диван вместе с дочерью, висящей на шее.

– В кого? – только и смог спросить он.

– В мужчину, конечно, в кого же ещё?

– Ну, я понимаю, что в мужчину, но кто он?

– Парень из нашей группы.

– И давно вы встречаетесь?

– Понимаешь, вначале я его не замечала. А потом мы по-

ехали за город с группой. Это был первый раз. Сейчас он проводил меня домой, это второй раз.

– И со второго раза ты поняла, что влюбилась?

– Да, – прошептала она отцу в ухо. – Я жить без него не могу.

– Ну уж прямо жить не можешь?

– Папка, а ты с мамой сколько встречался, пока узнал, что влюбился?

Отец задумался.

– Давно это было.

– Так ты забыл, что ли?

– Почему, помню. Как будто вчера было. А вот теперь дочь влюбилась.

– Но ты не ответил на мой вопрос.

– Нет, как у тебя, у нас с мамой не было. На второй раз это не случилось.

– А на какой? – не отставала Катя.

– Мы это поняли с первого раза.

– С первого раза?! – почти крикнула в ухо отцу Катя.

– С первого, с первого. Что ты так кричишь?

– Ой, как здорово, папка! И на всю жизнь?

– Ну, жизнь у нас, слава Богу, ещё не вся, но мы с мамой думаем, что на всю.

– Интересно, а у меня как будет?

– Как, как? Так же, как и у нас, ты же наша дочь. Ты нас хоть познакомишь?

– Конечно. Я его уже пригласила.

– Когда?

– Не знаю. Точную дату мы ещё не определили. Времени мало было.

– Да уж, конечно, за два-то дня разве успеешь?

– Вы идти-то собираетесь? – слышался голос мамы.

– Да! Уже одеваемся! – ответил отец. – Ты уж извини, Котёнок, я же ничего не знал. Если бы знал, разве потащил бы тебя с собой?

– Ты что, с ума сошла? – в комнату вошла мама. – Ты что, в джинсах собираешься в гости идти? Быстро переодеваться!

Катя пулей улетела в свою комнату и через минуту вышла из неё в нарядном платье и в туфлях на высоких каблуках.

– Ну вот, это другое дело, – сказала мама. – Подкраситься, конечно, не мешало бы, ну да ладно, и так сойдёт.

Вся семья вышла из парадной и направилась к Диминому дому.

– А далеко идти? – спросила отца Катя.

– Да нет, вот в этом доме, – отец показал на здание.

«Надо же, в одном доме будем, а не увидимся», – печально подумала она.

– Нехорошо, – говорила мама. – Столько лет живём в соседних домах, и не встречаемся.

В доме у Димы всё было готово к приёму гостей. Стол в гостиной ломился от всякого рода блюд, бутылки с винами

и коньяком стояли в таком количестве, что выпить их было невозможно даже при очень большом желании. Мама бегала из кухни в гостиную и обратно, как челнок, а отец с сыном разглядывали этикетки на бутылках.

– Папа, куда столько? Этого же не выпить!

– Пусть стоит. Каждый нальёт то, что хочет. Кстати, а что Катя любит?

– Я не знаю.

– А у тебя с ней что-нибудь есть, или так, просто до дома проводил?

– У меня есть. Хотелось бы, чтобы и у неё было.

– Значит, нравится она тебе?

– Не то слово...

– Влюбился что ли? – отец оторвал взгляд от этикеток.

Дима молча опустил голову.

– Так, вечер перестаёт быть томным. Так она придёт к тебе сегодня?

– Это она к тебе придёт. Она даже не знает, что я твой сын.

– Так ты ей не сказал?

– Нет, я хочу ей сюрприз сделать.

– Это интересно! Давай сделаем так: как только они позвонят, ты спрячься в своей комнате, ну а потом мы как-нибудь разыграем её.

– А как разыграем?

Звонок в дверь не дал отцу договорить. Дима стремглав скрылся в своей комнате и закрыл дверь.

– Отец, иди гостей встречай! – крикнула с кухни мама. – Я сейчас выйду.

Дима прижался к дверям своей комнаты и, затаив дыхание, ловил каждое слово, которое долетало до него.

– Входите, входите, гости дорогие! – доносился отцовский басок. – Вот как получается, живём в соседних домах, а не встречаемся.

– Хорошо, что ты позвонил, а то бы мы ещё лет сто собирались, – услышал Дима незнакомый голос.

– А ну-ка, подвинься. Кого это ты там прячешь? – снова он услышал отца. – Ну-ка, ну-ка, показывай. Неужели, Катерина? Батюшки, совсем невестой стала. А ведь у нас сын. Надо их познакомить. Не возражаешь, Миша?

– Раньше надо было свататься, – опять заговорил незнакомый голос. – Опоздали. У неё парень есть.

– Парень? – снова басил отец. – Так она ещё нашего парня не видела. Сын, а ну-ка выходи гостей встречать, – крикнул отец.

Дима вышел в коридор.

– Ну как? Хорош парень? Можно свататься?

Катя не верила своим глазам. Всего час, как они с Димой расстались, а ей казалось, что прошла целая вечность. Как бы она хотела сейчас броситься к Диме на шею, как бы хотела расцеловать его. Но нельзя. Условности, этикет, они сковывали её по рукам и ногам. Да кто придумал их? Почему она должна считаться с этими идиотскими правилами? По-

чему люди, увидев её истинные чувства, обязательно должны плохо подумать про неё? А ведь они именно так и подумают. «Ортодоксы», вспомнила она слова Димы про своих родителей. Однако справиться с чувствами было невозможно. У Кати задрожали ноги. Она не сводила глаз с Димы.

– Что молчишь, Катерина? Можно моему сыну свататься, или у тебя парень есть?

– Можно, – вырвалось у Кати.

Теперь Катин отец потерял дар речи. Только что дочь говорила о своей любви. Час назад она думала, что это у неё на всю жизнь, и вдруг на тебе! Он стоял и не сводил с Кати глаз.

Конечно, Димин отец хотел разыграть гостей, конечно, он рассчитывал на эффект неожиданности, но то, что шутка удастся настолько, он не ожидал, и поэтому сам стоял в замешательстве. Воцарилась тишина. Дети, не моргая, смотрели друг на друга, их отцы так же онемели от всего происходящего, а матери, не понимая, что творится, молчали и не знали, как себя вести.

Эта сцена продолжалась минуты две. Первая из оцепенения вышла Катя. Она обняла отца и прошептала ему:

– Папка, это он. Дима, про которого я тебе говорила.

Всё дальнейшее для Кати и Димы проходило, как в тумане: все куда-то пошли, их куда-то посадили, в их тарелки что-то накладывали, что-то говорили... Они ничего не замечали. Они только смотрели друг на друга и больше ничего не видели.

Вскоре родители обратили внимание на своих детей.

– Молодёжь, – обратился к ним Катин отец. – Мне кажется, вам скучновато здесь. Пойдите, погуляйте, да и мы поговорим посвободнее.

Два раза повторять не пришлось. Через одно мгновение две семьи могли разговаривать о чём угодно, нисколько не стесняясь присутствия собственных детей. Не трудно догадаться, что разговор у них был не об их героическом прошлом. Напротив, тема у них была одна – будущее.

Выйдя из квартиры, Дима и Катя взялись за руки и начали спускаться по лестнице. Казалось бы, вот оно, счастливое мгновение: нет посторонних глаз, нет никаких препятствий, которые могут разделить их, есть только они и больше никого на свете – хватайся за эти мгновения, наслаждайся ими, скажи всё, что хотелось сказать, пока никто не мешает тебе. Но, вопреки логике, молодые люди шли молча.

Кто же помешал им? Кто посмел посягнуть на самые светлые и прекрасные чувства? Кто отнимает эти драгоценные минуты, перед которыми меркнет не только время, но и сама жизнь? Никто. Просто время отступило перед самой могучей и светлой силой, просто все преграды рассыпались перед ней, просто сверхъестественная и всепоглощающая стихия любви взялась за свою работу. Ей не нужны слова, ей никто не способен помешать в этом мире, ей нужны только

два сердца. Два, и больше ничего, со всем остальным она справится сама, без чьей либо помощи. Какие уж тут слова? Какая логика? Этой стихии невозможно противостоять, ей можно только подчиниться.

Влюблённые не знали, куда шли. Ноги сами несли их куда-то. Они не только не знали, но и не желали знать. А зачем? Ведь на свете существует только один путь, достойный человека – это путь любви, других путей просто не существует.

Катя с Димой очутились в садике. В самом углу, закрытая со всех сторон сиренью, стояла скамейка. Её не было видно ниоткуда. Об её существовании могли знать только те, кто жил здесь. Вечерами парни и девушки уединялись на ней и предавались своим чувствам, не опасаясь посторонних глаз. И Дима и Катя не раз видели на ней влюблённые пары, и всякий раз проходили мимо неё тихо, стараясь не вспугнуть нежного чувства. Втайне они завидовали этим парочкам. Как бы им самим хотелось посидеть на этой скамейке, но, увы, на ней сидел кто угодно, только не они.

Сегодня был их день. Сегодня ноги сами привели их сюда. Сегодня не с кем-нибудь, а с ними должно произойти то великое, необъяснимое таинство, которое даётся каждому человеку, которого ждут с замиранием сердца, и которое не забывают до конца своих дней.

Влюблённые опустили на скамейку и слились в поцелуе. Такого чувства Дима никогда не испытывал. Голова его закружилась, и сердце готово было выскочить из груди. Он от-

пустил Катю, чтобы вдохнуть воздух и услышал от неё только одно слово:

– Ещё!

Дима посадил Катю себе на колени, и они снова слились в поцелуе. Правой рукой Дима прижимал к себе Катю, а левая легла на её коленку. Его рука ощутила под собой нежную, как бархат, кожу. Кровь, как огромная волна, тут же ударила в голову и не только в неё.

К скамейке подошла какая-то дама и стала выгуливать свою собаку.

– Пойдём отсюда, – предложила Катя.

Однако встать Дима не мог. Если бы он сделал это, то неминуемо попал бы в неловкое положение. К несчастью, на нём были не грубые джинсы, которые он носил всегда, а мягкие брюки, которые он надел перед приходом гостей.

– Посидим ещё, – попросил он Катю.

Дима надеялся, что кровь скоро отхлынет, но этого не происходило.

– Зачем, пойдём куда-нибудь в другое место. – Катя потянула Диму за руку, и он встал.

Дима готов был провалиться сквозь землю. Но Катя не засмеялась над ним. Она обняла его и прошептала:

– Потерпи немного, дорогой. После свадьбы всё будет можно. Понимаешь, для девушек это очень важно.

На каждый роток не накинешь платок. Да, собственно го-

вора, никто ничего накидывать и не собирался. Вся группа говорила только на одну тему. «Свадьба» – это слово не звучало, оно наполняло всю аудиторию. Ещё бы. Первая свадьба. Это было событие. Девушки окружили Катю и, перебывая друг друга, давали свои советы.

– Катька, сейчас фату носить не модно, – говорила Наташа.

– При чём тут мода, – возмущалась Марина. – Фата – это признак невинности.

– Вот я и говорю, что это не модно, – не понимала Наташа.

– Тебе этого не понять, – не унималась Марина. – У тебя, конечно, фаты не будет, а Катя просто обязана быть в фате, потому что она настоящая невеста.

– Катя, Катя, а ты платье длинным делать будешь или коротким?

– Катя, а где вы жить будете?

– Катя, перчатки обязательно должны быть выше локтя.

– Самое главное, это на ковёр первой наступить, – слышался чей-то голос.

Катя слушала весь этот словесный балаган, а сама была на седьмом небе от счастья.

Отдельной кучкой собрались ребята. Тема была той же. Они наперебой давали советы.

В том, что такое важное событие, как свадьба, взволновало всех студентов, ничего странного не было. Было странно другое. Впервые группа принимала участие в обсуждении

предстоящей свадьбы без своего лидера. Старосты не было ни среди девушек, ни среди парней. Никто не заметил, как Раб вышел из аудитории. Но, если бы кто-нибудь отвлёкся от обсуждаемой темы и посмотрел на дверь, то увидел бы в дверном проёме фигуру старосты, который разговаривал с тремя незнакомыми ребятами. Они явно не были студентами. Такие в институты не ходят. Таких можно скорее встретить на рынках или в пивных. Странно, что староста вообще разговаривал с ними. Что общего может быть у студента с людьми с явно выраженными криминальными наклонностями? А общее всё-таки было. И интеллигенты, и бандиты жили в обществе. И у тех и у других были ведомые и ведущие. И те и другие подчинялись принципам иерархии, доверяя решать свои проблемы своим лидерам.

Тот, с кем разговаривал Раб, явно был лидер. Его внешний вид показывал, что он не шестёрка, а авторитет. Малиновый пиджак, короткая стрижка и обязательный атрибут авторитета – толстая золотая цепь на шее. Он мало говорил, а больше слушал, изредка поглядывая на Раба. Остальные двое вообще на Раба не смотрели, они смотрели на своего шефа и старались всем походить на него. Стоило их начальнику только улыбнуться, как они начинали громко смеяться, стоило ему нахмурить брови, как они начинали строить недовольные гримасы. Шестёрки – так назывались в блатном обществе такие люди.

Разговор, по-видимому, был непростой. Авторитета яв-

но что-то не устраивало. Раб настойчиво его в чём-то убеждал. Наконец они договорились. Раб несколько раз показал им на Диму и Катю. Авторитет внимательно посмотрел на них. Шестёрки сразу начали сверлить их глазами, стараясь запомнить. Раб с авторитетом хлопнули друг друга по рукам и разошлись. Староста вернулся к своим студентам, чтобы возглавить тот процесс, который начался без него. Он подошёл к группе ребят и встал рядом с Димой.

– ... кольца надо обязательно жениху покупать, – советовал Диме Олег.

– Да, да, – поддержал его другой голос. – Это традиция. Тут на родителей надеяться нельзя.

– Да где же мне столько денег взять?

– Я бы, конечно, мог дать тебе, но у меня самого мало. Вряд ли это решит проблему, – рассуждал Олег.

– Они столько стоят, что даже если мы все скинемся, всё равно не хватит, – опять поддержал Олега тот же голос.

Ребята замолчали и задумались. Почему-то они стали смотреть на Раба.

– Чего вы на меня уставились? – спросил он.

– А на кого же нам смотреть? – ответил Олег. – Ты всё-таки наш командир.

– У командира, к сожалению, денег тоже нет.

– Что же делать будем? – задал вопрос, скорее сам себе, чем всем остальным, Олег.

– Есть у меня одни знакомые. Правда, они вряд ли вам

понравятся. Они из этих, из крутых. Правда, денежки у них водятся.

– Так ведь потом отдавать придётся, – заметил Дима.

– Да, действительно, а чем отдавать? – спросил Олег.

– Ну вот ты и ответил на свой вопрос, – сказал Олегу Раб.

– Не понял?

– «Чем отдавать?» – в твоём вопросе содержится и ответ.

Можно же отдавать и не деньгами.

– А чем? – спросил Дима.

– Пригласишь их на свадьбу, и всё. Если их на свадьбу пригласят, они и сами денег не возьмут. Эти люди по понятиям живут.

– А это удобно? – спросил Дима.

– Главное, чтобы тебе удобно было. Сам понимаешь, они не интеллигенты. Придётся потерпеть их немного.

Начало лекций прервало разговор студентов. Все расселись за столы и погрузились в мир формул, цифр и графиков. Только Катя и Дима не могли сосредоточиться. Их мысли были заняты только одной темой, их голова работала только в одном направлении, они перестали быть сами собой, они превратились во что-то новое, единое, и этим единым останутся уже до конца своих дней.

Однако таинство ещё не свершилось. И если они уже стали одним целым, то порядки, которым они вынуждены подчиняться, ещё не изменились. Хотели они этого или нет, но им приходилось возвращаться каждому в свой дом, где вре-

мя тянется мучительно долго, где родные доселе стены превратились в тюремные ворота, хладнокровно разделяющие сердца, которые уже не в состоянии существовать друг без друга. Если раньше влюблённые после лекций гуляли вместе до самого вечера, то теперь они вынуждены были бежать домой и готовиться к предстоящему торжеству. Свадьба, которая должна была соединить молодые сердца, сейчас, наоборот, разъединяла их. И, чем ближе подходил этот заветный день, тем больше и больше он требовал разлук. То Дима вынужден был ездить с родителями и покупать костюм, рубашки и прочие свадебные атрибуты, то Катя мучилась у закройщика, примеряя подвенечный наряд.

Но сегодня они были вместе. Сегодня они выбирали себе кольца.

- Вот это примерь, – советовал Кате Дима.
- Но это же очень дорого!
- Примеряй, примеряй, главное, чтобы тебе нравилось.
- Тебе родители деньги дали?
- Нет, кольца должен покупать жених. Так положено.
- Но откуда у тебя деньги?
- Это секрет.
- Но разве между мужем и женой могут быть секреты?
- Пока мы ещё жених и невеста. Вот станем мужем и женой, тогда я и раскрою тебе все свои секреты.
- Но до этого так далеко.
- Всего два дня. Потерпи немного. Мы больше ждали.

Глава 3

Звонок с лекции прозвучал как-то особенно длинно и печально. Дима с Катей сразу вспомнили последний школьный звонок. После него заканчивалось детство. Этот звонок тоже возвещал им об окончании целого периода в их жизни. Сегодня заканчивалась их холостая жизнь. Послезавтра они войдут в аудиторию мужем и женой. А сегодня был последний день перед свадьбой. Сегодня предсвадебные обязанности в последний раз разлучали их.

Дима простился с Катей и выбежал из института. Около дверей ходил здоровый парень с короткой стрижкой, в малиновом пиджаке и с толстой золотой цепью на шее. Он увидел Диму и окликнул его.

– Эй, студент, куда торопишься?

– Ой, это вы? Как раз кстати. Я хотел вас и ваших друзей пригласить на свадьбу. Я так обязан вам.

– На свадьбу? Это хорошо. А когда свадьба?

– Завтра.

– А с холостяцкой жизнью уже простился?

– Это как? – не понял Дима.

– Так заведено. Перед свадьбой парни должны проститься с холостяцкой жизнью. Традиция такая. Понимаешь?

– Нет.

– Придётся мне и в этом тебе помочь.

– Вообще-то я тороплюсь. – Дима замялся, он забыл, как зовут его нового знакомого.

Тот как будто понял это.

– Серый. – Парень протянул свою руку.

– Извините, просто голова кругом идёт, – сказал он Серому, пожимая руку.

– Все мы торопимся, – сказал Серый. – Сейчас век такой.

– Нет, правда, я тороплюсь.

– Обидеть хочешь?

Дима сразу вспомнил слова Раба: «Придётся потерпеть их немного».

– Хорошо, – ответил он недовольно.

Серый повёл Диму к каким-то своим друзьям, потом заходил по своим делам, потом звонил кому-то по мобильному телефону. Дима всё время нервно смотрел на часы. Потом он махнул рукой. Весь вечер был испорчен.

– Ну вот мы и пришли, – наконец сказал ему Серый.

Они поднялись по лестнице и вошли в дверь. В квартире стоял полумрак. От табачного дыма ничего не было видно. Из комнаты доносились пьяные голоса, а вместо музыки звучала какая-то какофония.

– Смелее, студент, заходи! – Серый подтолкнул его в спину, и Дима зашёл в комнату.

То, что увидел он в комнате, привело его в шок. Нет, он, конечно, слышал про это, но оказаться самому в этой обстановке никак не предполагал.

– Что студент рот раскрыл? – крикнул кто-то из комнаты Диме. – Групповухи никогда не видел?

– Нет, – только и смог выдать он из себя.

– Вот и прекрасно, значит, не только увидишь, но сам попробуешь.

– Нет уж, спасибо.

– Зря ты отказываешься, – услышал Дима сзади голос Серого. – У тебя же завтра свадьба. Ну что, ты желторотым птенцом хочешь на брачном ложе оказаться? Это ещё хорошо, что я тебя увидел сегодня, как раз перед свадьбой из тебя мужчину сделаем. Ты знаешь, прощаются с холостяцкой жизнью не только парни, но и девушки тоже.

– Давай, студент, не стесняйся, – опять услышал Дима голос из комнаты. – И нам заодно поможешь. Вон, видишь красавицу, мы уже каждый по два раза её, а ей всё равно мало.

Только сейчас Дима обратил внимание на девушку. Она, абсолютно голая, лежала на столе, широко раздвинув ноги. Голова её была повёрнута в сторону, а лицо закрывали распущенные волосы.

– Вот, вот, про неё и речь, – подбадривал Диму тот же голос.

Девушка медленно приподняла голову и волосы, рассыпавшись по сторонам, открыли её лицо. Дима остолбенел от ужаса. Он узнал в девушке Катю.

– Дима? – слабым голосом проговорила она.

Но Дима уже ничего не слышал. Всё тело его дрожало.

В висках, как отбойный молоток, стучал пульс. Руки побелели и затряслись в лихорадке. Он не помнил, что говорил, и говорил ли вообще. Ноги сами несли его куда-то. Он не мог остановиться. Вокруг него были какие-то люди, он почти бегом наталкивался на них. Они оборачивались, и что-то ругательное кричали ему в след. Рядом слышался резкий и противный визг тормозов и опять ругань в его адрес, уже со стороны водителей.

В голове у Кати всё шумело. Мысли никак не могли сосредоточиться. Где она? Как попала сюда? Она не могла ответить на эти вопросы. В голову лез какой-то бред. Какие-то омерзительные рожи, водка, отвратительная музыка.... «Боже! Да как мне в голову такая пошлятина могла прийти!» – испугалась она своих собственных мыслей. Однако голова понемногу прояснялась, а пошлятина не проходила.

Катя посмотрела себе на ноги. Колготок не было. Одежда была измята и в чём-то испачкана. Катя приподняла юбку. Трусов тоже не было. Ноги были испачканы кровью.

«Значит, эта пошлятина действительно была!» – в испуге подумала она. Шаг за шагом она стала восстанавливать в памяти ход событий сегодняшнего вечера. В памяти восстановилось почти всё. Она не могла только вспомнить, как она попала в эту квартиру. Она встала со скамейки, и ноги сами понесли её домой. В какой-то прострации она вошла в квартиру и направилась к себе в комнату. Перед её глазами мель-

кали лица отца и матери. Они что-то спрашивали её. Катя ничего не слышала и не хотела слышать. Войдя в свою комнату, она заперла за собой дверь на ключ.

– Что это с ней? – спросил отец у матери, глядя на дочь.

– С Димой, что ли, поругались? Это перед самой свадьбой то!

Родители стали стучаться в дверь и звать дочь, но та не открывала. Из-за дверей раздавался даже не плач, а какой-то душераздирающий рёв.

– Господи, да что же это такое! – кричала мать. – Миша, надо Диме позвонить. Где их телефон? Да сделай же ты что-нибудь с этой проклятой дверью!

Отец дёргал дверь, всовывал в замочную скважину ключи, которые попадались в его руки, а мать побежала звонить по телефону.

Непонятно, каким образом, но до ушей Кати донеслось слово «Дима», которое произнесла мать. Мозг моментально прореагировал на него. В памяти восстановилась точная картина: она лежит голая на столе с широко раздвинутыми ногами, а рядом с ней, с огромными от ужаса глазами, стоит Дима и смотрит на неё.

– Алё, алё! – кричала в телефонную трубку Катина мама. – Это Катины родители. Ради Бога, объясните, что произошло?

– Это вы у меня спрашиваете, что произошло? – раздался женский голос в трубке. – Да как у вас наглости хватило

звонить нам? Забудьте этот номер. И чтобы духу вашего в нашем доме не было! Будьте вы все прокляты со своей шлюхой!

В телефонной трубке раздались короткие гудки. Катина мама посмотрела на мужа и дрожащими губами произнесла.

– Я ничего не понимаю.

В этот момент в комнате дочери рыдания прекратились. Родители, затаив дыхание, уставились на дверь.

Резкий грохот раздался за дверью. Казалось, что упал шкаф или что-нибудь в этом роде. Отец отшвырнул связку ключей, которая была у него в руках, и со всей силы ударил плечом в дверь. Та сорвалась с петель и упала на пол. В центре комнаты с петлёй на шее лежала Катя, а над ней в потолке зияла огромная дыра. Мелкие куски гипрока усыпали всю Катину голову.

– Господи, да что же это такое?! – крикнула мать, заламывая руки, и упала в обморок.

Катя, с белым, как простыня лицом, безучастно посмотрела на родителей и тоже потеряла сознание.

– Да, маленькие детки – маленькие бедки, а большие детки... – бормотал себе под нос врач, заполняя какие-то бланки.

– Что-что? – не понял его Катин отец.

– Я говорю, с супругой вашей ничего страшного – обыкновенный обморок, а вот с дочкой...

– Что с дочкой?

– Дочке необходим стационар.

– Какой ещё стационар?

– В больницу её надо вести. У неё сильнейшее психическое потрясение.

– В психушку?

– Не в психушку, а в психиатрическую клинику.

– Что же с ней произошло?

– Я уж не знаю, что произошло, но произошло такое событие, которое вызвало попытку суицида. Самое опасное, что эта попытка может повториться в любое время. И, будьте уверены, тогда ей уже не придёт в голову вешаться на крючке, который ввёрнут в слабенькую гипроковую плиту. Она придумает что-нибудь более надёжное.

Карета скорой помощи увезла Катю в больницу. После её отъезда квартира сразу стала пустой и неуютной. Мать с отцом ходили по ней, не зная, чем заняться. Между собой они практически не общались. Каждый думал о своём, и каждый искал во всём случившемся свою вину, хотя, что именно случилось, они не знали.

– Так ты дозвонилась до Димы? – спросил отец.

– Дозвонилась, до его матери.

– И что?

– Она сказала, чтобы мы забыли их номер телефона, и ещё, чтобы духу нашего в их доме не было.

– И всё?

– Нет, ещё Катю шлюхой обозвали.

– Значит, обозвали шлюхой, – повторил отец. – Надо проверить, была ли она в институте в тот день, и если была, то с кем ушла из него.

– Ты что, совсем уже спятил? – закричала на него жена. – Это же дочь твоя! Что ты хочешь проверять?

– Именно потому, что она моя дочь, я и хочу восстановить всю хронологию того дня. Кто-то сильно обидел её. Так сильно, что она готова была покончить с собой. А для того, чтобы узнать, кто этот мерзавец... – Отец говорил это уже не жене, а сам себе, расхаживая взад и вперёд по комнате. – Нет, не мерзавец, а человек. Надо отбросить в сторону все эмоции. Надо на время забыть, что это моя дочь. Только с холодной непредвзятой головой можно разобраться в этом деле.

– А вот я не могу отбросить в сторону эмоции, не могу даже на время забыть, что это наша дочь, – говорила ему жена.

– Ты женщина, и поэтому не можешь, а я мужчина, и смогу.

В институте только и было разговоров, что о несостоявшейся свадьбе. Никто толком ничего не знал. Ни Дима, ни Катя не появлялись среди студентов, и это ещё больше подогревало всеобщий интерес. Девчонки, собравшись в кружок, выдвинули, наверное, уже сто различных версий. Тут было

всё: и ссора с родителями, и внезапный отъезд за границу, и регистрация брака где-нибудь на Канарах. Была, конечно, и версия, что Димка застукал Катю с любовником, но эту версию отвергли сразу.

– Быть такого не может! – возмущалась Марина. – Катя не такой человек. Ты, Наташка, кроме пошлости, ничего придумать не можешь.

– А что я, собственно, необычного придумала? Или у нас в стране такого не бывает? Да на каждом шагу. Я думаю, и Катерине ничего человеческого не чуждо.

– Может быть в стране и на каждом шагу, а у Катки такого быть не может, – сразу же зашипели на Наташу девчонки.

Парни были более сдержаны в оценке этого события. Они стояли и молчали, почёсывая свои затылки.

– Значит, не срослось что-то у них, – философски заключил Олег. – Время всё расставит на свои места. Вернутся в институт, сами всё и расскажут. А сейчас в их отсутствие мыть им кости просто неприлично.

Если парням заниматься этим было неприлично, то девчонки, хоть и считали так же, но ничего с собой поделать не могли. Прошло три дня, а тема разговора у них не менялась.

– Ну что? Не верили мне? Не верили? А я оказалась права, – тонким голосом щебетала Наташа. – Застукали Катку, вот свадьба и расстроилась.

– С кем, с любовником? – не верила Марина.

– Если бы только с любовником... Её целая команда тра-

хала.

– Что ты несёшь, дура? – возмущались девчонки.

– Сами вы дуры. Корчите из себя недотрог, а у каждой, поди, уже по несколько абортотделов сделано.

– Да Катя не такая. Она порядочная.

– А вспомните, как она в сентябре перед парнями голышом бегала.

– Ну, во-первых, не голышом, а во-вторых, мы все тогда бегали.

– А в-третьих, это она всех тогда завела, – не успокаивалась Наташа. – Значит, у неё к этому делу наклонности есть.

– Это у тебя к этому делу наклонности есть, а не у Кати.

– А я и не скрываю этого. Я живу нормальной человеческой жизнью, не как вы.

– Да что с ней разговаривать, девочки? – не выдержала Марина.

– А это вы видели? – Наташа вытащила из-за спины видеокассету.

– Что это?

– Катя с девственностью прощается.

– Врёшь!

– А вы сами возьмите и посмотрите.

Сразу несколько рук протянулись к кассете.

– Это моя кассета. А если вам хочется посмотреть, то купите сами.

– Купить? Так ты что, купила её?

– Купила. Рядом с институтом ларёк с видеокассетами. Там кроме фильмов ещё и порно продают. Вот там и купила.

Наташино сообщение о порнофильме, где была снята Катя, произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Уже никто не стеснялся обсуждать её поведение в её отсутствие, никого не волновала Катина репутация, и никого не интересовало, почему она не появляется в институте. Катя была отрезанным ломтём. Её, как личности, больше просто не существовало. Никому и в голову не пришло просто позвонить ей домой, поинтересоваться, а что сейчас происходит с ней? О её существовании вспомнили только после того, как в институте появился Катин отец. Он подходил к сокурсникам дочери и пытался поговорить с ними, но всякий раз, как студенты узнавали, кто он, они прекращали беседу и пытались побыстрее отделаться от него. Отойдя от Катиного отца, студенты тут же собирались кучками, и показывали на него пальцами. Отец чувствовал к себе крайне негативное отношение. Внутри него всё кипело, но он, помня о том, что все эмоции должны быть отброшены в сторону, скрипнув зубами, отойдя от одного студента, подходил к другому.

– Молодой человек, – обратился отец к очередному студенту. – Я отец Кати Андреевой. Вы не смогли бы уделить мне немного времени?

Молодой человек, не в пример остальным, не стал прятать свои глаза, не стал ссылаться на занятость, он, напротив, по-

смотрел на своего собеседника с таким участием, как будто речь шла не о Кате, а о нём самом.

– Да, да, конечно, – ответил он. – Это очень хорошо, что вы пришли. Я и сам хотел зайти к вам, но вы опередили меня. Я староста группы, в которой учится Катя.

– Ну слава Богу, хоть один согласился поговорить со мной! Вы знаете, я пытался поговорить со многими, но они, узнав кто я, сразу же прекращали разговор со мной. Складывается впечатление, что они что-то знают, но не хотят говорить со мной.

– Не могут, – поправил его староста.

– Не могут?

– Да, не могут. На эти темы, знаете ли, не все могут говорить свободно.

– На какие темы?

– Так вы что, ничего не знаете? Разве Катя вам ничего не рассказывала?

– Катя сейчас находится в психиатрической больнице. Врач категорически запретил говорить с ней на любые неприятные темы.

В это время прозвенел звонок. Студенты стали расходиться по аудиториям.

– Вам надо идти? – спросил Раба Катин отец.

– Нет, нет. Ничего страшного. Наш разговор гораздо важнее. Пройдёмте в студенческое кафе, там нам никто не помешает.

Собеседники расположились в кафе за самым дальним столиком. После того, как прозвенел звонок, кафе было практически пустым.

– Кстати, забыл представиться, – сказал Рабу Катин отец. – Андреев Михаил Александрович, полковник в отставке.

– Рабов Володя, – ответил ему Раб. – Так вы полковник?

– Да, а вас что-то смущает?

– Нет, просто у меня отец тоже полковник в отставке.

– Ну что ж, может это даже и к лучшему. По крайней мере, нам проще будет понять друг друга. Я, собственно, Володя, и пришёл сюда, чтобы разобраться в том, что произошло с моей дочерью. И первый мой вопрос: была ли она в институте в тот злополучный день, а если была, то когда ушла из него и с кем?

– В институте она была. Вот здесь, за этим столиком мы сидели и обсуждали вопросы, связанные со свадьбой. Там же почти вся наша группа должна была быть. Выпили по чашечке кофе, и она пошла домой.

– Одна?

– Одна. По крайней мере, я с ней никого не видел.

– Значит, вы тоже не знаете, что потом произошло.

Раб замялся. Он смотрел на Катиного отца и не знал, что ему сказать.

– Я же чувствую, что вы все что-то знаете и скрываете от меня.

– Не буду вам врать – да, но мне тяжело говорить с вами на эту тему. Вы Катин отец. Для вас удар может оказаться слишком сильным.

– Володя, – Михаил Александрович перешёл на «ты», – давай договоримся, я не Катин отец, по крайней мере, на время моего расследования, нервы у меня крепкие, и любую информацию я буду анализировать совершенно непредвзято.

Раб вытащил из сумки кассету и положил её на стол.

– Что это?

– Это то, что было после того, как Катя ушла. Такие кассеты продаются в ларьке возле нашего института, и все студенты смотрели её. Вот почему они не захотели разговаривать с вами. Посмотрите, а потом решите, будете вы продолжать своё следствие или нет. Только советую вам не показывать её вашей жене. Вряд ли у неё нервы такие же крепкие, как у вас.

– А почему ты согласился говорить со мной?

– Потому, что я не верю всему этому. – Раб показал пальцем на кассету. – Здесь что-то не то. Или это монтаж, или я не знаю что. Ясно одно, в этом деле надо разбираться.

– А все остальные поверили?

– Увы! – Раб многозначительно развёл руками.

– Почему же ты не поверил?

– Скажу вам честно, Михаил Александрович, мне нравится ваша дочь и я бы предпочёл оказаться на месте Димы, но, увы, её выбор оказался другим.

– Значит, ты тоже хочешь непредвзято разобраться в этом

деле?

– Хочу, только вряд ли у меня получится непредвзято.

– Сделаем так, – решительно сказал Михаил Александрович, – сейчас возьмём тайм-аут, а после того, как я ознакомлюсь с этим, – он показал на кассету, – мы снова с тобой встретимся. Дай мне свой телефон.

Раб вырвал из тетради листок, записал на нём телефон, и отдал Катиному отцу.

– А наш телефон у тебя есть? – спросил Михаил Александрович.

– Да.

Катин отец удивлённо посмотрел на Раба.

– Я староста.

– Ах, да.

Михаил Александрович встал, пожал своему собеседнику руку, и решительно направился к выходу.

Та неприятная обстановка, которая царила дома у Володи Рабова, понемногу начала выправляться. Отец, который после увольнения из армии впал в депрессию, перестал пить, стал приветливым, много шутил и о чём-то часто разговаривал по телефону со своими высокопоставленными друзьями. Мать не могла нарадоваться. Она ходила, шептала что-то себе под нос и украдкой, уловив момент, когда на неё никто не смотрит, часто крестилась.

Володя вернулся из института в тот момент, когда отец

положил телефонную трубку и довольно стал потирать себе руки.

– Батя, тебя просто не узнать, – сказал ему Володя.

– Не узнать, не узнать, сынок! Ты сам себя скоро не узнаешь!

– Что-то ты загадками какими-то стал говорить.

– Садись сюда, – отец показал сыну на диван. – Сейчас ты все мои загадки узнаешь.

Володя сел рядом с отцом и стал внимательно его слушать.

– Ты телевизор смотришь? – вдруг спросил его отец.

– Смотрю, ну и что?

– А что сейчас с армией делается, видел?

– Ну видел, сокращают её. И что?

– Ну, напряги мозги, неужели ничего в голову не приходит?

– Честно говоря, нет, – непонимающе ответил Володя.

– А куда после сокращения всё это дерьмо девать? Эти танки, корабли, самолёты?

– На переплавку, куда же ещё?

– Правильно.

– А твой-то интерес в этом какой?

– Ты что, не понимаешь? Это же всё купить можно как металлолом. Это же медь, серебро, золото, платина. Ты понимаешь, куда я клоню?

– Так, так, – Володя даже заёрзал на диване. – А в геншта-

бе у тебя все знакомые?

– Это же Эльдorado, Клондайк! – вскрикнул отец и ударил сына по плечу.

В это время зазвонил телефон. Отец вскочил с дивана и побежал к телефону.

– Это меня, – крикнул он на ходу.

Через несколько секунд отец вернулся.

– На этот раз я ошибся, это тебя, какой-то Михаил Александрович.

Володя подошёл к телефону и сильно прижал трубку к уху.

– Я слушаю, – сказал он.

– Володя, я просмотрел кассету.

– И вы способны действовать непредвзято и дальше?

– Да, – услышал он в трубке решительный ответ.

– Тогда нам надо продолжить наш разговор. Когда вам удобно?

– Завтра я не могу. Мы с женой к Кате в больницу идём. Сколько мы там пробудем, я не знаю.

– Михаил Александрович, а как вы отнесётесь ко мне, если я попрошусь навестить Катю вместе с вами?

– Как я могу к этому отнестись? Конечно, положительно. Ей сейчас нужна любая поддержка. Только одно условие. О нашем деле ни звука. Договорились?

– Об этом вы могли бы меня и не предупреждать.

– Ну, извини, если обидел. Тогда встречаемся в одина-

дцать у входа в больницу. Ты знаешь, где это?

– Знаю. В одиннадцать буду.

Володя положил трубку и вернулся к отцу.

– Кто это? Голос не молодой. На студента не похож.

– Это... – Володя улыбнулся. – Это твой будущий родственник.

– Ты что, жениться собираешься?

– Есть такое желание.

– И когда же?

– Не знаю. Надо ещё с соперником разобраться.

– Что, и соперник имеется?

– Имеется. Дело уже к свадьбе подошло. Еле предотвратить успел. Вот теперь с бывшим женихом разберусь, тогда можно и под венец.

– А невеста-то согласна?

– Кто же её спрашивать будет? Ей деваться некуда: или в ЗАГС, или в петлю.

– Круто!

– А как ещё? Твоя школа. Да хватит об этом. На чём мы остановились?

– Да ты меня с такими заявами совсем с мысли сбил. Значит так: ты открываешь фирму, а лучше не ты, а твоя жена, раз к этому дело подошло. Только фамилию пусть свою оставит. Незачем нашу светить. Я со своей стороны делаю тебе все разрешения, лицензии и прочие бумаги. А ты покупаешь нормальное вооружение, как металлолом, и толкаешь его за

границу.

Ровно в одиннадцать часов Володя стоял у входа в больницу. Не прошло и минуты, как к нему подошли Катины родители. Отец крепко пожал руку Володе и представил свою жену:

– Прошу знакомиться, Нина Фёдоровна, Катина мама.

– Очень приятно, – галантно ответил Володя. – Я...

– Знаю, знаю, – не дала договорить ему Нина Фёдоровна, – мне муж уже всё про вас рассказал. Вы Катин староста. Я очень рада, что вы захотели навестить Катю. Стоило Кате заболеть, как все её подруги куда-то подевались. Ни одна даже не позвонила. К сожалению, друзей много, когда всё хорошо. А как случится несчастье, так и нет никого.

– Ну, зачем так пессимистично, – прервал её муж. – Друзья всё-таки есть. – Он показал рукой на Володю. – Правда, их гораздо меньше, чем нам хотелось бы.

Разговаривая, они подошли к отделению. Навстречу им вышел дежурный врач.

– Это к кому такая делегация? – спросил он пришедших.

– К Андреевой. Нам врач разрешил, – сразу же заволновалась Нина Фёдоровна.

– Да вы не волнуйтесь. Раз врач разрешил, то пожалуйста, только не все сразу. По одному. Кто первый пойдёт?

Врач снял халат с вешалки и, не дождавшись ответа, протянул его Нине Фёдоровне.

– А остальным придётся подождать. Хотите, можете погулять в садике.

Нина Фёдоровна надела халат и с врачом скрылась в дверях палаты. Михаил Александрович с Володей пошли в садик.

Катин отец закурил.

– Ты не куришь? – спросил он Володю.

– Курю.

Михаил Александрович молча протянул ему сигареты. Володя закурил. Так они стояли и молчали. Володя понимал, что отец хочет поговорить с ним о деле, но не знает с чего начать. Самому начинать этот разговор было неловко. Но пауза слишком затянулась, и надо было что-то предпринимать.

– Она в отдельной палате лежит? – спросил он у Михаила Александровича.

– Не знаю. Я первый раз у неё. До сих пор врач не разрешал никаких свиданий. – Он достал кассету и протянул Володе. – Возьми.

Володя спрятал кассету.

– У тебя какие-нибудь соображения по этому поводу есть?

– Там несколько лиц есть. Надо попробовать их вычислить.

– А ты молодец, правильно мыслишь, – похвалил он Володю.

– Знать бы только, где?

– Я думаю, что искать их надо возле ларька с видеокас-

сетами. Раз это их бизнес, значит, там они рано или поздно появятся.

– Логично, – ответил Володя.

– И всё-таки, не могли они вот так просто накинуться на улице на первую попавшуюся девушку. Должна быть наводка, какая-нибудь утечка информации. Припомни, ты не замечал в институте, у Кати не было каких-нибудь проблем?

Володя отрицательно помотал головой.

– А у Димы?

– А вот у Димы была.

– Так, так! А вот здесь поподробнее.

– Ему нужны были деньги на кольца. А денег не было. Он и ко мне с этим вопросом обращался. Впрочем, не только ко мне. Вся группа об этом знала. – Володя задумался. – Предположим, что он обратился к этим «бизнесменам»...

– И что тогда?

– Не знаю, – развёл руками Володя.

– Нам это необходимо узнать. Давай-ка организуем слежку за этим ларьком. Я днём буду дежурить, пока ты на лекциях, а вечером ты. Вечером мне дома надо быть. Я не хочу, чтобы жена догадалась о наших делах. Я вообще не хочу говорить при ней об этом изнасиловании.

В садик с халатом в руке вышла Нина Фёдоровна.

– Кто следующий? – спросила она.

Михаил Александрович взял халат и начал надевать его.

– Как она? – спросил он жену.

– Ой, даже и не знаю, – она закрыла лицо руками и заплакала.

Катя лежала в палате одна. Скорее всего, она была под воздействием каких-то препаратов. Она нисколько не реагировала на свет, который ярким лучом бил ей прямо в глаза. Не пыталась отвернуться от него или просто закрыть веки. Она с каменным лицом смотрела в потолок, и ни одна мышца не дрогнула, когда отец сел на край её кровати.

– Катюша, здравствуй, – сказал её отец.

– Здравствуй, папка, – ответила она с тем же выражением лица.

– Ну, как ты?

Она продолжала лежать, глядя в потолок, и не отвечала. Потом она повернула голову и посмотрела в глаза отца.

– Папка, ты знаешь, что со мной произошло?

– Может быть, не надо об этом, Катенька?

– Надо, это очень надо. Мне надо, чтобы хоть кто-то верил мне.

– Я всегда верил тебе, и сейчас верю.

– Тогда почему ты не отвечаешь на мой вопрос?

– Я знаю, что с тобой произошло, дочка. Тебя изнасиловали.

– Ты ничего не знаешь, папка. Меня никто не насиловал. Я сама всё это сделала.

– Как сама?

– Не знаю, папка. Всё помню, а как там оказалась, почему не кричала, не сопротивлялась, почему не пыталась убежать – не знаю. Ты помоги мне в этом разобраться.

– Помогу. Обещаю тебе.

– Спасибо, папка. Ты один веришь мне. Один на всём свете.

– Нет, Катюша, не один. Ещё Володя верит.

– Какой Володя?

– Староста ваш.

– Раб?

– Почему раб?

– Да фамилия у него такая – Рабов. Вот его все Рабом и зовут.

– А мне он понравился.

– Папка, а он тоже знает, что произошло со мной?

– Знает, – тихо ответил отец.

– Значит, Димка уже всем растрепал?

– Что растрепал?

– Он был там, папка, и всё видел. Теперь он мне никогда не поверит.

– А Володя поверил.

– Чему он может верить? Он верит, что этого не было, а ведь это было.

– А ты знаешь, дочка, ты тоже не верь.

– Как это, не верь?

– А вот так, не верь, и всё. Вероятно, есть такое, что ты

сама не знаешь. Ты же не помнишь, как попала туда? Не понимаешь, почему не сопротивлялась? А раз так, то не верь.

– Странно, – вдруг задумчиво сказала Катя.

– Что странно, доченька?

– Странно, что Раб поверил. Я думала, что он не способен верить? Надо же – Димка не поверил, а Раб поверил.

– Ты знаешь, Катюша, а он ведь здесь.

– Кто он?

– Володя Рабов. Сидит сейчас в садике с мамой и хочет тебя навестить.

– Навестить? Странно, как жизнь устроена, папка, думаешь о человеке одно, а он оказывается совершенно другим. Я думала, что Дима всегда мне верить будет, а он не поверил. Думала, что Раб вообще людям не верит, а поверил именно он.

– Человек – натура сложная.

– Ты позови его, папка, и вообще, приходите ко мне чаще. Я теперь скоро на поправку пойду. Если есть люди, которые верят даже в такой ситуации, значит, на свете стоит жить.

После больницы Володя побежал в институт. Домой он пришёл только в восемь вечера. Даже не поужинав, он сразу же, как вошёл, начал звонить по телефону.

– Алё! Серый? Это я, Раб. Всё идёт по плану. С завтрашнего дня тебя начнут пасти у ларька.

Володя поморщился. Видимо, Серый что-то сильно кри-

чал ему в ухо.

– Ой, ну что ты пристал с этими деньгами? Будут скоро деньги. Много денег и много работы.

Как только Володя закончил разговаривать по телефону, его неожиданно позвал в свою комнату отец. Зайдя к нему, он увидел отца стоящим на коленях в центре комнаты, и ищущим что-то в чемодане.

– Ты меня звал? – спросил Раб.

– Вовка, ты не видел дома двух бутылочек?

– Каких ещё бутылочек?

– В чемодане у меня лежали. Никак найти не могу.

– Да я и чемодана-то этого никогда не видел.

– Не видел, конечно. Я же его от тебя всегда прятал.

– Прятал? А зачем?

– Там у меня спецсредства были. Ну, я их ещё из армии умыкнул. Жалко, что пропали, теперь таких не достанешь!

– А может ты их сам, того, по пьяному делу куда-нибудь определил?

– Может и определил, разве теперь упомнишь?

– А что за средства, расскажи. Теперь-то уж что? Всё равно их нет.

– Понимаешь, это для допроса пленных. Без цвета и без запаха. Полностью поражает волю человека.

– Это как?

– А вот так. Как робот становится. Что ты ему прикажешь, то и делает.

– А потом?

– А потом всё проходит. Через четыре часа очухивается. Всё начинает вспоминать, только уже поздно. Дело-то сделано.

– Всё, всё вспоминает?

– Нет, первый час не вспоминает. За первый час память полностью отшибает. А тебе-то зачем это знать?

– Просто интересно, до чего наука дошла.

– Да какая это наука? Современная наука уже далеко ушла. Я эти спецсредства лет пять тому назад как умыкнул.

Обычно, когда звучит звонок на последней лекции, студенты срываются со своих мест, как спортсмены после старта. Они на ходу забрасывают в свои сумки конспекты и разбегаются по своим делам. Не проходит и минуты, как аудитория становится пустой. Сегодняшний день не был исключением. После звонка аудитория моментально опустела. Только староста сидел на своём месте и никуда не торопился. У него сегодня была назначена встреча с отцом Кати. Они договорились встретиться в том же кафе, в каком разговаривали в первый раз. Раб посмотрел на часы и неторопливо направился в кафе. Катин отец уже сидел за столиком. Раб присел рядом с ним.

– Я тебе кофе заказал, будешь?

– С удовольствием, – ответил Раб.

– Володя, я должен тебе кое-что сказать.

Володя настороженно посмотрел на Катиного отца.

– Там, в больнице, я не всё рассказал тебе. После разговора с Катей у нас появилась новая информация. Я не стал говорить тебе о ней при жене, но сейчас хочу сказать. Я думаю, между нами не должно быть никаких секретов.

– Я слушаю, – ответил Володя.

– Катя рассказала мне, что никакого изнасилования не было.

– То есть?

– То, что ты видел на кассете, она сделала абсолютно добровольно.

– Не могу поверить в это.

– Катя тоже не может в это поверить, но это так. Есть средства, вернее спецсредства, которые могут заставить человека делать что угодно. Ты понимаешь, о чём я говорю?

– Честно говоря, не очень.

– У нас в армии есть такие средства, которые развязывают языки на допросах.

– Средства такие может быть и есть, но где же их можно достать?

– У Димы отец военный?

– У Димы? Но это совершенно исключено. Ему-то это зачем. Он же должен был сам жениться на Кате!

– Я тоже в это мало верил, – продолжал Михаил Александрович. – Но есть и ещё одно обстоятельство.

– Какое?

– Катя мне сказала, что там она видела Диму. Понимаешь, он там был.

– Он?! – удивился Володя.

– А теперь сопоставь: у него какие-то проблемы с деньгами, он совершенно непонятно каким образом появляется в этом борделе, и, к тому же, его отец бывший военный. Ну, как?

– То, что эти факты странны, несомненно. Однако мотива всё равно не видно. Мне кажется, тот план, который вы предложили, самый верный. Если мы возьмём и расколем этих шестёрок, а я уверен, что это шестёрки, то наверняка узнаем ответы и на эти вопросы.

Наблюдение за ларьком велось по тому плану, который предложил Михаил Александрович. Два дня прошли впустую. Только на третий день Михаил Александрович заметил, что у ларька крутится тот, кого он так долго ждал. Катин отец стал вести его. Он шёл за ним, соблюдая все правила конспирации. Парень не замечал слежки. Он прошёл по улице целый квартал и остановился у витрины магазина. К нему подошёл здоровяк, коротко подстриженный, одетый в малиновый пиджак, и с толстой золотой цепочкой на шее. Парень передал ему деньги. Здоровяк пренебрежительно похлопал парня по плечу. «А это не шестёрка», – подумал Михаил Александрович. Здоровяк дождался, когда шестёрка ушла и быстрым шагом направился в подворотню. «Вот тут-то я те-

бя и возьму», – подумал Катин отец.

В несколько прыжков он настиг здоровяка и сшиб его с ног. Не успел тот понять, что произошло, как почувствовал у себя на горле лезвие ножа.

– Колись, сволочь, кто придумал Катерину изнасиловать?

– Какую ещё Катерину? – прохрипел здоровяк.

– Забыл? Так я напому! На прошлой неделе дружки твои насиловали, а ты заснял на камеру, и теперь продаёшь эту гадость.

– Ты что, спятил? Никого мы не насиловали.

– Колись, говорю, тварь! Я отец её. Сейчас зарежу, как барана!

Лезвие ножа придавило горло Серого так, что капельки крови потекли по его шее.

– Как же я буду колоться, если ты мне горло передавил? – еле прохрипел Серый.

Давление ножа ослабло.

– Никто не насиловал твою дочь. Она сама пришла.

– Кто привёл её?

– Жених её привёл.

– Зачем?

– Денег он нам должен, вот и рассчитался.

– Не ври падаль, зарежу!

– Зачем мне врать. Его расписка в правом кармане. Сам прочитай.

Михаил Александрович свободной рукой залез в карман

к Серому и достал оттуда клочок бумаги.

– Обязуюсь вернуть долг, или рассчитаться иным образом... – стал читать он вслух. – Что это значит?

Того мгновения, которое понадобилось Катиному отцу, чтобы прочитать записку, хватило Серому, чтобы ударить соперника. Михаил Александрович отлетел от здоровяка и выронил нож. Серый неспеша поднял нож и приставил его к горлу Катиного отца.

– Ну что, прочитал документ? Может быть, ещё вопросы есть?

– Есть, – прохрипел теперь уже Михаил Александрович. – Она в здравом сознании была?

– А мы что, врачи? Может, и нанюхалась чего-то. Ей предложили сняться в кино, она и согласилась.

– А жених её?

– А что жених? Он нам денег должен, а рассчитаться нечем было, вот он свою бабу и уговорил. Так что можешь передать эту расписку ему, она мне больше не нужна. Мы с ним в расчёте. И ещё, запомни, если уж подставил нож кому-нибудь к горлу, то не отвлекайся на чтение долговых расписок.

Серый пренебрежительно посмотрел на Михаила Александровича, плюнул в его сторону и ушёл. Катин отец остался лежать на асфальте, держа в руках долговую расписку Димы.

Катина выписка из больницы происходила тихо, без особой огласки. Её встречали только самые близкие: те, кто наперекор самым чудовищным доказательствам не переставали верить ей, те, кто боролся за её честь, несмотря на общее презрение и осуждение. Встречавших было всего трое: отец, мать и Володя Рабов. Володя вручил Кате цветы, вчетвером они вышли из больницы, сели в такси и уехали домой.

– Слава Богу, что этот кошмар закончился, – говорила Нина Фёдоровна. Она забрала из рук дочери букет и стала ставить его в вазу.

– А эти цветы по случаю моей выписки? – спросила Катя.

– Нет, – сказал отец, пряча улыбку. – Они по другому поводу.

– И по какому же?

– Перед тем, как ехать в больницу, Володя пришёл к нам и попросил руку нашей дочери, – ответила за отца мать.

– Мою руку? – удивилась Катя.

– Ну не мою же? – пошутил отец. – А ты возражаешь?

– Я? – Катя задумалась. Лицо её сразу стало серьёзным. – А Дима?

– А где ты видела Диму, когда с тобой беда случилась? Может быть, он сидел у твоей кровати в больнице? Дима сразу же отказался от тебя.

– Да, но для этого у него были веские основания, – возразила дочь.

– Деньги, вот его основания, – раздражённо сказал отец.

– Деньги? Какие деньги?

– Дочка, помнишь, в больнице я пообещал тебе разобраться в этом деле? Я выполнил то, что обещал. Дима задолжал каким-то отморозкам, и чтобы рассчитаться с ними, продал им тебя. Теперь ты понимаешь, каким образом попала в эту компанию?

– Этого не может быть!

– Ты хорошо знаешь почерк Димы?

– Да.

– Тогда прочитай сама. – Отец достал из кармана расписку и отдал дочери, – ...или расплатиться иным образом, – процитировал он наизусть часть расписки. – Теперь ты понимаешь, как он расплатился?

– Поверить не могу, – тихо сказала Катя.

– Скажи, у него были проблемы с деньгами перед свадьбой?

– Да, он кольца покупал на свои деньги. А когда я спросила, где он их взял, то он сказал, что это секрет.

– Ну уж не знаю, на кольца, или на какие другие цели он брал в долг у бандитов, только расплатиться пришлось тобой. Ты же сама его там видела.

– Видела.

– А тебе не приходило в голову, что он там мог делать?

– Я тебе уже говорила, что голова у меня там плохо работала.

– Это потому, что он тебе подсыпал перед этим кое-что.

Вспомни, вы с Димой ели или пили что-нибудь вместе?

– Да, мы в буфет вместе всегда ходили.

– Вот поэтому ты и не могла сопротивляться, поэтому и выполняла всё, что тебе прикажут. Ну так что? Ты принимаешь предложение Володи, или мы Диму будем ждать?

– Принимаю, – дрожащими губами прошептала Катя.

Когда Дима пришёл в институт, его никто ни о чём не спрашивал. Все понимали, что ему сейчас очень тяжело. Он почти ни с кем не разговаривал. Сразу после лекций он собирал портфель и один уходил домой. Дома у Димы тоже была гнетущая атмосфера. Родители никогда не заговаривали с ним о расстроенной свадьбе и, как только сын приходил из института, пытались его отвлечь от неприятных мыслей. Увы, ничего не получалось. Голова, помимо его воли, прокручивала кошмарные сцены, свидетелем которых он оказался. Казалось, что от этих мыслей можно сойти с ума. Они вытягивали из него все соки, не давали ни на чём сосредоточиться, не давали жить.

Чтобы как-то помочь сыну справиться с депрессией, мать решила устроить в доме праздник.

– А что за повод? – спросил её Дима.

– День ангела у меня сегодня.

– Странно, я не помню, чтобы ты когда-нибудь его отмечала.

– А теперь буду отмечать. У нас на работе все отмечают.

Сейчас сбегая в магазин, приготовлю на стол, и отметим мой день ангела.

Мать вернулась из магазина через два часа. Губы у неё тряслись, руки дрожали. Она хотела скрыть своё состояние, но ничего не получилось. И отец и сын заметили перемену.

– Что случилось, мама? – допытывался Дима. – Ну скажи, тебя обидел кто-нибудь?

– Катькину мать встретила. Так вы представляете, она сегодня замуж выходит!

– Кто, мать? – удивился отец.

– Да какая мать? Катька. И знаете за кого? За старосту вашего, за этого, за Рабова.

– За Раба? – не поверил ушам Дима.

– За него.

– И это всё? Говори, я чувствую, что ты ещё что-то скрываешь, – требовал отец.

– Нет, не всё. Они считают, что это Дима Катьку в бордель затащил, что это он её за долги продал.

– Что за бред? Ты ничего не путаешь? – спросил отец.

– Вот этими ушами слышала, – мать похлопала себя по ушам. – А ещё, что Дима её какой-то гадостью напоил, чтобы она ничего не соображала, а эту гадость ему отец дал.

– Я? – не поверил отец.

– Обожди, обожди, папа. Я, кажется, начинаю понимать. А ведь Катя-то действительно ни в чём не виновата.

– Как это, ни в чём не виновата? Ты же всё своими глазами

видел.

– В том-то и дело, что видел. Меня же специально затащили туда, чтобы я всё увидел. Это же он всё специально подстроил, чтобы на ней жениться.

– Кто он? – хором спросили родители.

– Раб.

– Она ещё про какую-то расписку говорила... – робко сказала мама.

– Точно. И расписка была, и с бандитами я рассчитаться был должен.

– Обожди, обожди, сынок. Я ничего не понимаю. Какая расписка, какие бандиты? Давай всё по порядку.

– Ещё в сентябре мы всей группой отдыхали за городом. Там Раб сказал при всех, что женится на Кате, но никто, конечно, не поверил. Все думали, что это шутка. Я не помню, кто, но перед свадьбой мне сказали, что кольца должен покупать жених на свои деньги. Так вот, с этими бандитами меня познакомил Раб. А перед самым уходом из института Раб о чём-то разговаривал с Катей в кафе и они там, по-моему, что-то пили.

– И что это доказывает? – спросил отец.

– То, что всё это подстроил Раб, чтобы расстроить свадьбу, опорочить Катю в моих глазах, опорочить меня в глазах Кати, а самому жениться на ней.

– Ты извини, Дима, но всё это только твои домыслы. У тебя есть хотя бы одно доказательство?

– Есть. Он женится на ней.

– Уже женился, – сказала мать, глядя на часы.

– Ну какое же это доказательство? – отец разочарованно развёл руками. – Этак можно любого обвинить.

– А у Кати тоже не было доказательств. А надо было просто поверить ей, и всё. Господи, что же я наделал!

Дима обхватил руками голову и ушёл в свою комнату. День ангела так и не отметили.

В институте Дима был мрачнее тучи. Вместо того, чтобы слушать преподавателя, он сверлил глазами Раба. Не успел прозвенеть звонок, как Дима, разъярённый как лев, стоял напротив старосты.

– Ты подлец! – выкрикнул он ему в лицо.

Вокруг них тут же образовался круг из студентов.

– Что?! – удивился Раб.

– Да, да. Ты гнусный и отвратительный подлец. Это ты всё подстроил.

– Что я подстроил?

– Скажи, ты вчера женился на Кате?

– Ну, женился, а что, в этом есть что-то подлое?

– Это ты всё устроил, чтобы жениться на ней!

– Что я устроил? Ты что несёшь, Отелло?

– Ты всё просчитал. Каждый шаг. Но ты ответишь за это.

Дима сжал кулаки и набросился на Раба. Однако тот, видимо, просчитал и этот шаг. Размахнувшись, Раб изо всей

силы ударил Диму ногой между ног. Тот взвыл от боли.

– Остынь, Отелло, – сказал ему Раб. – Прежде, чем обвинять кого-то, потрудишься обзавестись хоть мало-мальски правдоподобными доказательствами.

– Значит, тебе нужны доказательства? – крикнул Дима. – Так вот они!

В руках у Димы мелькнуло лезвие ножа. Он вскочил с пола и наотмашь ударил ножом своего соперника в живот. Тот схватился за рану руками и медленно повалился на пол.

Для того, чтобы человеку что-то создать, приходится порой тратить целые годы, а то и десятилетия. Так, например, чтобы стать инженером, необходимо проучиться одиннадцать лет в школе, а после этого пять лет в институте. Но и это ещё не всё. Получив заветный диплом, человек осознаёт, что он ещё не полноценный инженер, а только молодой специалист. Он находится в самом начале длинного пути познания. Другое дело сломать или уничтожить. Здесь не надо долго ждать. Здесь иногда хватает всего минуты. Да что там, минуты, одно мгновение – и то, что создавал человек годами, может обратиться в прах. Так получилось и у Димы. Одно мгновение, и вот он уже никакой ни студент. Нет друзей, нет рядом родителей, которые так любят его. Нет даже имени. Вместо него только кличка – «Студент». Вместо друзей теперь сокамерники, а вместо законов – понятия. И ничего невозможно изменить. Нельзя вернуться назад и испра-

вить ошибку. Можно только привыкнуть к тому, что презирал совсем недавно, что казалось чем-то диким, чего даже в страшном сне не могло присниться. А теперь – это реальность, и в этой реальности необходимо провести много лет. Как сложится его жизнь? Этого не знает никто. Но то, что она сложится совершенно не так, как он предполагал совсем недавно, это очевидно.

Глава 4

В больничной палате тепло и покойно. Нет никаких тревог, нет переживаний. Всё регламентировано чётким распорядком дня. После завтрака обход врачей, потом процедуры, а потом посещение родственников.

Двери палаты открылись, и в неё вошла Катя. Она разложила на тумбочке фрукты и поцеловала мужа.

– Ну, как ты сегодня? – спросила она Раба.

– Шов уже не болит, а в остальном ничего нового. Что может быть нового в больнице? А что у тебя? Ты в институт ходила? Надо же что-то решать.

– Не пойду я туда, понимаешь, не могу. После того, что произошло, я не смогу там больше учиться.

– Может быть, тебе в другой ВУЗ перейти?

– Не знаю. Я даже думать об этом сейчас не могу.

– Ну и ладно, отдохни пока. Всё должно успокоиться.

Но покойным можно быть только в больнице. Стоит лишь выйти за её пределы, как жизнь моментально втягивает в свой водоворот, как она не даёт тебе ни дня, ни минуты, ни секунды для раздумья. Каждый шаг, каждый поступок может в одно мгновение перевернуть всё, к чему ты стремишься, изменить, а то и совсем прекратить всё то, что мы называем жизнью. Наверное, только один господь Бог может знать

наверняка, что ожидает нас завтра, в следующий час, в ближайшее мгновение.

Раб, лёжа в больнице в полном покое, конечно, не предполагал, что жизнь не будет ждать его выздоровления. Она продолжит своё движение вперёд, не обращая никакого внимания на временную недееспособность человека.

В институте декан со своим заместителем вынуждены были разбираться в том конфликте, который произошёл между Димой и Рабом.

– Значит, ты считаешь, что мы должны просмотреть эту порнуху, – говорил декан, показывая на кассету.

– Хочется нам смотреть, или нет, мы должны принять только объективное решение. Вы же не станете отрицать, что конфликт между студентами имеет очень веские основания?

– Да, но что это может изменить? Виновный сидит в тюрьме.

– Он виновен только в том, что не сдержал своих эмоций.

– Ну что ж, давай.

Заместитель вставил кассету, и они замерли перед экраном. Кассета закончилась. Экран покрылся рябью.

– Поставь ещё раз, – попросил декан.

– Понравилось? – пошутил заместитель.

Декан выразительно посмотрел на зама.

– Говорят тебе, поставь сначала.

Заместитель перемотал кассету и снова включил магни-

тофон.

Декан смотрел уже не отвлекаясь, рассматривая подробно практически каждый кадр.

– Вот здесь останови. Теперь вперёд, по одному кадрику – командовал он заму. – Стоп! Смотри, ты видишь?

– Что? – ответил заместитель.

– Вот там, шкаф.

– Ну, вижу.

– А зеркало в шкафу?

– Зеркало вижу.

– В зеркало посмотри.

– Смотрю.

– Вот эта фигура тебе ничего не напоминает? – декан показал пальцем на отражение, которое промелькнуло в зеркале шкафа. – Это же староста их группы. Рабов.

– Значит, он был там?

– Значит, то, что произошло между старостой и студентом, не было простой вспышкой ревности? Значит, Рабов действительно имеет к этой истории самое непосредственное отношение.

Всему на свете когда-нибудь приходит конец. Вот и Володино заключение в больнице закончилось. Ему выписали больничный и отправили на амбулаторное лечение по месту жительства. Не успел он войти в дом, как Катя тут же подозвала его к телефону.

– Володя, это тебя, – крикнула она. – Он уже третий раз сегодня звонит, – добавила она шёпотом, прикрыв ладонью микрофон трубки.

Володя взял трубку и ушёл с ней в другую комнату.

– Я слушаю, – сказал он.

– Слушай, Раб, нам срочно нужно встретиться, – услышал он голос Серого.

– Что, вот прямо сейчас?

– Прямо сейчас. Дело очень срочное.

– Слушай, я только из больницы выписался, даже пообедать не успел.

– Потом пообедаешь. Больше ничего тебе по телефону сказать не могу. Бросай всё и приходи на наше место. Я тебя жду. – В трубке зазвучали короткие гудки.

Володя вышел из комнаты и положил трубку на место.

– Кто это? – спросила его Катя.

– Увы, но мне надо бежать, – ответил Володя.

– Как, бежать? А обедать? У меня уже всё готово.

– Увы, дорогая, волка ноги кормят.

– Но почему такая спешка, ты можешь объяснить?

– Честное слово, я сам ничего не знаю. Вот вернусь, и всё расскажу.

Под нашим местом Серый подразумевал как раз ту пивную, где Раб встречался с Саней.

Войдя в кафе, Владимир стал обводить взглядом весь зал.

– Раб, я здесь, – услышал он знакомый голос.

В полумраке за столиком сидел Серый и махал ему рукой. Раб подошёл к Серому и сел рядом.

– Пей. – Серый подвинул к Рабу кружку с пивом.

– Что стряслось?

– Понимаешь, моим придуркам менты на хвост сели.

– Каким придуркам?

– Да не всё ли тебе равно? Меньше знаешь, крепче спишь.

– В таком случае, при чём тут я? – удивился Раб.

– В этом-то вся прелесть и есть, – улыбнулся Серый. – Понимаешь, пока ты в больнице отдыхал, мы дельце одно провернули, ну и прокололись, видимо, где-то. Моих пацанов сейчас менты пасут. Если они колотья начнут, у меня могут быть большие неприятности.

– И что ты хочешь?

– Я хочу, чтобы ты у меня чемоданчик один взял на время. Если ко мне менты придут, я бы не хотел, чтобы его нашли.

– А что там?

– Не бойся, не наркотики. Там деньги. Много денег. Но они не мои, понимаешь?

– Да я и понимать не хочу.

– Вот это правильно, – обрадовался Серый. – Ну, так как, выручишь?

– А сколько это будет стоить?

– Дорого! Я тебе за это все долги твои спишу.

– А если менты у меня это найдут?

– Это исключено. Ты же не при делах. Да и о нашем раз-

говоре кроме нас никто не знает.

– Хорошо, где твой портфель?

– Сейчас всё будет, а пока давай выпьем за твоё выздоровление.

Володя вернулся домой уже вечером. Родители были дома. Отец читал газету в гостиной, а мать с Катей что-то стряпали на кухне. Раб на цыпочках, тихонько прошмыгнул в свою комнату и спрятал там чемодан. Потом он вернулся в прихожую и подчёркнуто громко стал переодеваться.

– Ну слава Богу! Вернулся. А мы не ужинаем, тебя ждём, – услышала его мать. – Быстро мойся и к столу. Уже всё готово.

Вся семья расселась вокруг стола, перед каждым стоял борщ. Он выпускал клубы ароматного пара, который постепенно наполнил кухню и поглотил всех находящихся в ней. Приятное блаженство разлилось по всему телу. Все проблемы ушли куда-то далеко, и все замерли в предвкушении предстоящей трапезы.

– Ну что? – самодовольно произнесла мама. – Один дух чего стоит!

– Нет слов, – похвалил Володя. – Но, по-моему, чего-то не хватает.

– Это чего же не хватает, – обиженно спросила мать. – Я всё положила как надо.

– Кто же возражает? – заулыбался отец. – Положила, конечно, всё. Но не всё налила. Перед борщом сам Бог велел!

А иначе всё блюдо испортить можно.

– Нет, я даже пробовать не буду, это же всё испортить можно! – поддержал отца Володя.

– Ну, хитрецы! – сказала мать Кате. – Ты посмотри, что делают? Разве после этого можно отказать?

– А зачем отказывать? К тому же, и повод есть. Надо же выздоровление Володи отметить?

С чем можно сравнить рюмочку водочки, после которой съешь тарелку великолепного борща? Нет, такого сравнения не придумать. Это состояние какого-то блаженства. После этого хочется откинуться на спинку стула и поговорить о чём-то приятном, возвышенном...

– Ты мне хотел о чём-то рассказать, – сказала Володе Катя.

– Я? Не помню. Что ты имеешь в виду?

– Про дела. Помнишь, когда ты из дома убежал?

– А, про дела? Ну, да, конечно. Мы тут с батей посоветовались и решили тебе одно дело дать возглавить.

– Мне?

– Ну да, тебе. Ты человек умный, по натуре лидер, кому же ещё?

– Можно подумать, ты не лидер?

– Я лидер, но у меня один недостаток. Фамилия.

– Боишься, что и в бизнесе тебя Рабом будут звать?

– Этого я, конечно, не боюсь. Рабом всё равно звать будут. Дело в другом. Дело в том, что наш бизнес будет связан с военными. А мой отец не последний человек был в этой

конторе. Много ненужных вопросов появится. А так, Александра. Кто такая? Никто не знает.

– Мой папа тоже военный.

– Да, но использовать мы будем связи моего папы, а не твоего.

– И чем фирма будет заниматься?

– Мы будем посредниками между Армией и промышленностью.

– А точнее можно?

– Можно и точнее, только лучше на трезвую голову. Это я так, в общих чертах тебе рассказал. Ну как, согласна?

– Согласна, но только в общих чертах, – пошутила Катя.

– Ну, если так, то надо объявить перекур, – сказал Володя. – Батя, ты будешь?

– Да, пойдём перекурим.

Женщины стали говорить о секретах приготовления борща, а мужчины пошли дымить на лестницу.

– С фирмой не всё так гладко получается, – сказал отец. – Я тут посчитал немного, так такая сумма выходит!

– Какая сумма?

– Ну, как же? Всем же надо дать. Они сейчас у руля и аппетиты у них соответствующие.

– Ты же говорил, что там твои друзья, что они тебе как родные?

– Володя, в бизнесе не бывает ни друзей, ни родных, запомни.

– И много надо денег?

– Очень!

– Пойдём, я тебе что-то покажу.

Они докурили, и Володя повёл отца в свою комнату. Он плотно закрыл за отцом дверь, достал чемодан и открыл его.

– Ничего себе! Откуда это? – вырвалось у отца.

– Это не моё, – ответил Раб. – Мне на сохранение дали. Потом придётся отдать.

В то время, как отец не мог оторвать глаз от волшебного чемодана, его жена изливала свою душу невестке.

– Катюша, ты не представляешь, что это было! Как лев в клетке ходил из угла в угол. Злой такой. Бросался на всех. А потом это, – она щёлкнула себя пальцем по горлу. – Пить начал. Ну, я думала – вот он, конец. Запомни девочка, мужику без работы никак нельзя. Без бабы – плохо, но проживёт, а без работы погибнет. Так вот они устроены.

– И что? С созданием этой фирмы всё изменилось?

– С каким созданием? Что ты, девочка? Ещё никакой фирмы нет! Он только думает её создать. Но ты права. Изменилось действительно всё. Его просто не узнать. Энергичный, собранный, деловой. Просто, как подменили.

С перекура возвратились мужчины. Отец на ходу в чём-то убеждал сына:

– Даже и не думай! Это отдавать нельзя. Сам посуди, без этого наша фирма не сможет развернуться.

– Ну а что же я ему тогда скажу? Это ведь не червонец, за

такие бабки, сам знаешь, как отвечать придётся.

— Надо немедленно их в дело пускать. А с этим Серым я что-нибудь придумаю.

— Ну, что я тебе говорила? — умилённо шептала свекровь невестке. — Даже покурить без работы не могут. — Ну, теперь держись! Теперь их остановить невозможно. Это ведь мужики. Они, как кони, удила закусили, и только вперёд.

Свекровь оказалась права. Дела по созданию новой фирмы полностью вырвали из семьи и отца и сына. Они куда-то бегали, с кем-то встречались, о чём-то спорили по телефону. Казалось, что они успевали всё, кроме одного. Они не успевали вспомнить, что у них есть семья, и что их жёны живые люди. Но, именно потому, что жёны у них были живыми людьми, они понимали своих мужей, и не только не мешали мужьям в их новой работе, но помогали им по мере своих слабых женских сил.

Катя подписывала непонятные ей бумаги, бегала по банкам и налоговым инспекциям, стояла в очередях, составляла какие-то справки, потом переделывала их и снова стояла в очередях. И, хотя она мало понимала из того, что она делала, этот ритм захватил её. Она стала забывать о том страшном кошмаре, который ей пришлось пережить. Всё реже и реже она вспоминала об институте и о своих бывших подругах. Но однажды муж напомнил ей об институте. Как только он заговорил о нём, отвратительное чувство вновь всплыло

на поверхность. Она поняла, что ненавидит не только своё бывшее учебное заведение, но и вообще не переносит даже само слово «институт».

Больничный у Володи закончился. Но, как бы ни была увлекательна работа по созданию новой фирмы, её пришлось передать отцу и Кате. Необходимо было возвращаться в институт. После выздоровления, Володя отправился на занятия с каким-то нехорошим настроением, а вернулся оттуда злой и расстроенный.

Семья, как всегда, ждала Володю к ужину, и его настроение сразу стало заметно для всех. Опять этот институт принёс в новую семью Кати какую-то гадость.

– Что с тобой? – спросил отец Володю.

– Две новости. Одна плохая другая отвратительная.

– А подробнее...

– Первое, это то, что меня попросили забрать документы из института.

– Это почему? – не поверила своим ушам мать.

– Не знаю.

– То есть, как это не знаю? Должна же быть какая-то причина? – переспросила мужа Катя.

– Спроси у своего Димы, – зло ответил ей Володя.

– Во-первых, он не мой, а во-вторых, при чём тут Дима? – с раздражением ответила Катя.

– Володя, ты не прав. Если у тебя неприятности, то неза-

чем срывать их на жене. И объясни, пожалуйста, что значит попросили? Если есть основания, никто ничего просить не будет.

– В том-то и дело, что никаких оснований нет, – уже более сдержанно ответил Володя.

– В таком случае, к чему этот негатив? Не станешь же ты забирать документы из-за какой-то безответственной болтовни? – спросил отец.

Володя молча вытащил из портфеля документы и положил их на стол.

– Ты что, забрал документы? – ахнула Катя.

– Забрал, как видишь.

– Ты можешь всё-таки объяснить, что произошло?

– Я и сам не знаю, что произошло. Видимо, на следствии Димка облил меня грязью. И не просто облил, а облил так, что эта грязь дотекла до декана. Короче, получается так, что это не он меня ножом пырнул, а я его.

– Что это за бред? Вся группа видела. Это и следовательно говорил, – возразила Катя.

– Ну, что ж? В этом нет ничего удивительного, – вмешалась мать. – Если он так обошёлся со своей невестой, то с тобой так обойтись ему сам Бог велел.

– Обожди, обожди, но это же не причина, чтобы забирать документы? Пусть разберутся, всё станет ясно.

– В чём разберутся, папа? Ты хочешь, чтобы опять по всему институту полоскали имя моей жены? Короче, говорить

не о чем. Документы я забрал.

Володя стал нервно барабанить пальцами по столу.

– Ну ладно, не переживай. Успокойся. Пойдём покурим, – предложил отец.

Мужчины ушли в коридор. Володя закурил и немного успокоился.

– А что за вторая новость? – спросил отец сына.

– Серый денег скоро назад потребует.

– Что значит, скоро?

– Через месяц хочет уехать куда-то. Сказал, что деньги заберёт.

– Да, час от часу не легче.

– Ну, и что делать будем, батя?

– Слушай, а может и к лучшему, что тебя из института поёрли? Сейчас пойдёшь в армию и ищи ветра в поле!

– Какая ещё армия?

– Обыкновенная. В которую всех забирают, если отсрочка пропадает. А пока ты служишь, я постараюсь закрыть Серого.

Глава 5

Какая всё-таки изменчивая эта жизнь! Совсем недавно жил в уютной квартире, спал с молодой женой, ел мамины обеды и ужины, а сейчас?

Сейчас вместо квартиры – казарма, которая вся прово-няла потом портянок и гуталином, вместо жены – сосед по кровати, который храпит, как труба иерихонская и не даёт спать, а вместо ласковой мамы – старшина злой, как волк и тупой, как сибирский валенок. Что поделать, так распорядилась жизнь, так сложились обстоятельства. Разве человек способен противостоять обстоятельствам? Нет, он только может служить им верой и правдой, не щадя сил и живота своего.

Из окна казармы виден плац. С самого утра и до самого вечера солдаты изо всех сил колотят его сапогами. Но, как бы они не старались, всё равно у них всё выходит плохо. Старшина орёт на них, оскорбляет как только может, но солдаты молчат. Попробуй только пикни – тут же жизнь, и без того не сладкая, превратится в каторгу. За плацем корпус столовой. От неё несёт какими-то помоями километра на три. Там тоже служба: то картошку гнилую чистить, то рыбу вонючую таскать, то мясо рубить. Кости да жилы – солдатам, а мякоть – жёнам офицеров. Воруют внаглую – никого не боятся. Да

хоть бы сами за этим мясом ходили, так ведь нет. Солдат на-
рубил, помой, заверни и принеси. А если кусок не понравит-
ся, так она тебя этим куском по морде и отходит. Да чёрт бы
с ней, с мордой, так она же обязательно старшине нажалует-
ся. Скажет: «Этого уроды ко мне больше не присылайте». И
тогда уже всё. Тогда полный кошмар наступит.

А за столовой забор с колючей проволокой. Как будто
здесь не солдаты, а заключённые живут. От ворот этого за-
бора идёт дорога километров пять или шесть и упирается
в другой такой же забор с ангарами. Там техника. Там дру-
гие служат. В основном, офицеры. Из рядового состава ниже
сержанта и нет никого. А рядовые только и нужны, чтобы до-
рогу эту вылизывать днём и ночью. Только вылизут её, толь-
ко в порядок приведут, завоет ночью сирена, загрохочет всё
вокруг, загудит, а утром опять роту на эту дорогу проклятую
выгоняют. А там уж и не дорога вовсе, а месиво какое-то. Как
будто специально её тракторами пахали всю ночь. Вот такая
служба получается: куда ни кинь – всюду клин. То строевые
на плацу, то кухня, то дорога эта долбанная.

А интересно всё-таки заглянуть за тот забор. Что это за
техника там такая? Видно, стоящее что-то. Иначе так бы не
охраняли. Но чтобы что-то узнать, как минимум, сержантом
надо быть. Тогда, может быть, и появится шанс из этой дыры
к технике современной перебраться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.